

**ЕЛЕНА
ТОКАРЕВА**

ИВАН-ДУРАК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Елена Токарева

Иван-дурак

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Токарева Е.

Иван-дурак / Е. Токарева — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Несколько политтехнологов, которые раньше работали на кремлевские структуры, неожиданно оказались за бортом большой государственной машины и нашли хозяев, на противоположной стороне. Они подрядились подготовить государственный переворот с помощью новых политических технологий. В частности, большой сетевой игры. Программист Леха Гаврилов, сетевой псевдоним Иван-дурак, далекий от политики человек, попадает в жернова истории. Это он за деньги сочиняет Игру. Но вскоре понимает, что сам стал ее жертвой. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ч.1 Предыстория баранов.	6
Великое племя.	7
Таинственный и недоступный Тюлька	10
Не хочешь поишачить за \$100 000?	13
Кружечка пенистого на чужой территории	22
Ч.2	24
Страна Эльдорадо, которой не может не быть	25
Сумма нулей равняется нулю	30
Территория внутренней Руси	32
Сценарий Игры	39
Кадры решают все	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Токарева

Иван-дурак

*Три человека могут перевернуть мир.
Толпа же ни на что не способна.*

Ч.1 Предыстория баранов.

Здесь рассказывается о том, какой социальный слой является на Руси самым многочисленным.

Великое племя.

Леша третий час терся в лабиринтах игрищ. Весь здешний хлам он знал наизусть, во все игры переиграл многократно. Знал всех бойцов. Знал их, конечно, не лично, а по кликухам в чатах. Знакомиться в реале – пустая трата времени, равно как любоваться на себя в зеркало. Все, с кем он общался в виртуальном пространстве, похожи на него. Зеленые брюки, серый свитер и целлофановый пакет с дисками. Три символических признака сетевого фаната. Все они нечисто выбритые, с затравленным взором, устремленным в себя. Иногда слишком говорливые. Не к месту. Да, таков и Леша. Волосы неопределенного оттенка торчат на макушке дыбом, а с затылка спускаются длинными слипшимися косичками. Носки бывают разные, от разных пар. Некогда искать по утрам одинаковые. Утром, едва проснешься, хочется снова нырнуть в темное пекло сна. Сны всегда имели над Лешенькой особую власть. А когда выберешься из потустороннего мира, уже нет времени на изыски в одежде. Да и кто будет заглядывать ему под брюки? До сих пор никто не заглядывал, кроме медкомиссии. Леша чурался женщин. Не потому, что любил мужчин, а просто так. Руки не доходили изучить этот вопрос. Впрочем, одна девчонка на работе ему нравилась. Чистенькая такая, с кудряшечками.

Лешенька был доволен жизнью. Он и знать не знал, и думать не думал, зачем другие люди рвут задницу, чтобы заработать миллион или получить славу. В детстве его миновали порывы, он не читал про великих полководцев и не примерял на себя их доспехи. Он решал математические задачки. И если задачка сходилась, он был на седьмом небе. Леша закончил математический класс, институт и стал программистом. Ему приносили задачку – он ее решал.

В свои тридцать с гаком Леша жил с мамой. В панельной пятиэтажке. Над головой у него жили дружественные соседи с лежачей тещей после апоплексического удара. Сверху целый день раздавались мощные удары об пол, как будто там катали ядро. Это прыгал жирный пес-боксер Акрамка. К вечеру Акрамка уставал и ложился спать. Дружная семья соседей часто заливала Леше кухню и ванную. Краска там шелушилась, будто кожа после загара.

Леша жил несуетно. В свое удовольствие. Ни о чем не парился. Его быт был устроен удобно, по его вкусу. Квартира на двоих с мамой была даже слишком просторная: три комнаты, в общей сложности 42 метра. Ванна – сидучая. Кухня маленькая, но темненькая. Иными словами – уютная. У Леша был и свой кабинет, семи метров, где он предавался мелким страстям. Играл в солдатики. Слушал тяжелый рок. Играл в игрушки на компьютере. Мебель вся с помойки. Много хороших вещей выбрасывают люди на нервной почве.

Вечерами, обычно в полдесятого, Леша выходил с мамой во двор подышать свежим городским воздухом и осматривал, что нового выбросили жильцы окрестных домов. И почти никогда не возвращался с пустыми руками. То тумбочку притащит, то стульчик антикварный пятидесятых годов прошлого века, венский, изогнутый.

Описание недвижимости этой семьи будет неполным, если не сказать о садовом участке, расположенном в месте не столь отдаленном, на слиянии рек Волги и Упши. У Леша с мамой от старых советских времен остался щитовой домик на участке шесть соток в садовом товариществе Гавриловка. Если добраться на электричке до последней станции с Савеловского вокзала, проехать на автобусе до последней остановки, выйти на этот берег реки Упши да и свистнуть с этого берега реки, то с другого кто-нибудь из соседей услышит да и перевезет на катере.

А зимой речка замерзает, и ее можно перейти пешком. Это короткий путь. Был и длинный: сойти с автобуса на конечной остановке, ну и пешком топтать и топтать по грунтовке.

Маме дали землю, когда она работала инженером в НИИРЖА, полное название – НИИ Ржавения металлоконструкций. Предприятие было закрытое, почтовый ящик, платили в нем хорошо, и халявы перепадало столько, сколько полагалось НИИ первой категории по совет-

ским временам. То светло-голубых курей привезут с птицефабрики, то мелких яиц, то путевку дадут на двадцать четыре дня в профсоюзный санаторий, то распродажу сапог устроят.

В этом НИИ был так называемый Сектор фатального невезения – это его неофициальное название – в нем и работала Лешина мама. В Перестройку высокое руководство решило, что вопросы фатального невезения, на которых строилась концепция ржавения металлов, есть плод досужего ума, и никакого невезения нет и быть не должно. Все преодолимо. Ржа не должна жрать железо. А человек, он творец и демиург. Научную часть института сокрушили, а экспериментальную стали планомерно ужимать, усекая сектор за сектором, и, в конце концов, остался только Сектор управления ржавением, в котором Лешину маму оставили работать уборщицей.

На садовый участок уже два раза хищно нацеливались дачные соседи, которые разжирели на торговле как раз в то время, когда Леша и его мама все шаркали тапочками мимо кассы.

Настоящая Лешина жизнь, его истинная духовная субстанция трепетно пульсировала в других, нематериальных, сферах. Алексей принадлежал к многочисленному онлайн-племеню баранов и носил на груди опознавательный знак своего клана – серебряные ветвистые рога. Вождь баранов могучий и недоступный Тюлька возник из тьмы народной жизни и недавно затеял великую войну с другими племенами: либерастов-орков, дубинноголовых норков и даже верблюдов, с которыми, правду сказать, воевать было смешно, ибо они безобидные. Тюлька рассчитывал отобрать у других племен в онлайн-часть большого виртуального лесопарка, Лысиного острова, где обычно в знаменитой игре «Лысиный остров» и происходили бои между племенами. За остров дрались уже два года. Ходили стенка на стенку. Отвоевывали объект за объектом. А потом снова теряли. Лысиный остров – это был виртуальный Гайд-парк русского онлайн. Захватить Лысиный остров и выкрикивать там лозунги! И чтобы все онлайн-новые ресурсы только об этом бы писали. Это большая слава в Сети.

Леха давно записался в бараны. Больше записываться было некуда. К оркам он не чувствовал родства, а норки его пугали.

Амбициозные цели, которые ставил сетевой гений Тюлька перед великим племенем баранов, увлекали каждого, кто имел счастье даже случайно забрести на онлайн-поля баранов, то есть на их чаты и форумы. Величие духа, готовность к подвигу и самопожертвованию во имя великого общего дела – вот что делало баранов непобедимыми. Перспективы прилежных баранов полностью овладеть Лысиным островом Леха разделял. Задача поставлена – задачу надо было решать.

Противниками, как уже здесь сказано, были племена либерастов-орков, также домогавшихся неприступной цитадели Лысиного острова, и грубых сволочей-норков, которые вообще непонятно чего хотели. Либерасты-орки были из «бывших». Когда-то они руководили всей пропагандой государства Баранья Русь. А потом их прогнали агрессивные норки электрошокерами и другими современными онлайн-средствами разгона. В играх это всегда сопровождалось красивыми вспышками и конвульсивным движением поверженного. «Ддудутт!» и все.

Никаких кровавых столкновений в реале до поры до времени между племенами не случилось. Племена изливали свою ненависть друг к другу в Сети. Вели матерные дискуссии. Изрыгали новые заковыристые проклятья. Придумывали друг другу обидные кликухи. Однако недавно, когда в моду вошло носить значки и опознавательные знаки племен, в воздухе запахло гарью. Запах гари шел из Интернета и из телевизора. Леха, включив комп, прямо чувствовал, как пахнет. Да и мать из кухни орала, что откуда-то несет гарью. Она думала, что с улицы и кричала: «Закрой окно! Опять чего-то жгут!»

Леха был чистый душой парень и как многие незамутненные люди страдал дефектом опознавательной системы «свой-чужой». Если бы Леха встретил орков на улице, он едва ли опознал бы в них своих идейных врагов. Так многие антисемиты никогда не отличат на улице еврея от русского и в очередях часто доверчиво рассказывают представителям избранного народа, как их «достали эти жида» и чаще всего получают в ответ сочувствие от интеллигентного человека в очках. Лехе все люди в толпе казались одинаковыми. И это абсолютно правильно. Люди в толпе ничем не отличаются. Впрочем, как говорил Тюлька в своих инструктивных письмах, эти ненавистные орки и не ходят пешком – все они ездят на автомобилях иностранных марок и питаются в ресторане «Пушкин».

Однако в онлайн Леха их опознавал мгновенно. Там опознавательная система срабатывала. Ведь каждое племя, прежде чем сцепиться с чужаками, громко произносило обидные слова.

Например, орки зачарованно произносили словоблудное сочетание «права человека». Под «человеками» они подразумевали прежде всего самих себя и своих вождей. Например, Каху Горлопанова. Чужие для орков были все, кто не свои.

Своих орки опознавали по паролям. Например, при встрече лицом к лицу орки незаметным жестом вынимали из-за пазухи портрет какого-нибудь заветного человека, который они показывали своему визави. Это и был пароль. Может быть, это был портрет некоего Ходорковского. Говорят, он был какой-то крупный уголовный авторитет. Штука в том, что Леха не был подкован в политических вопросах. Программисты и бухгалтеры обычно все узнают последними, случайно и неправильно – из анекдотов или песен. Для них важное кроется не там, где оно кроется для остальных граждан. Бараны, к которым принадлежал Леха, всегда озабочены высоким: небесным и чудесным в первую очередь.

Да, а теперь о норках. Норки торчали как от хорошей травы от слова «порядок». Еще они любили слова «Сталин» и «Берия». Наверняка у них и в штанах вставало на эти слова.

Леха в жизни норков обходил сзади – от греха подальше. Чего связываться? А в онлайн он их лупил, сволочей!

Ну, баранов, своих ребят, издали было видать. Во-первых, их было много, как опять на пнях, во-вторых, бараны любили майки с надписью «Нас рать!» Они любили и уважали русский мат. На нем они говорили. И думали.

Матерными словами они обозначали Кремль и правительство. А один рядовой племени баранов написал исключительно матом всю историю страны Баранья Русь. Эта апокрифическая история почиталась за учебник и пользовалась большим уважением в кругах баранов.

Игры в онлайн незаметно ожесточились и, плавно переходя в реал, превратились в настоящие локальные уличные бои. Прикрепляя к чистой футболке рога, Леша одновременно клал в карман свинчатку, хотя и не понимал, как ею можно воспользоваться против живого человека.

Виртуальный город с некоторых пор был поделен между сетевыми кланами, и появляться на чужих территориях стало небезопасно – дубинноголовые норки, например, могли запросто огреть представителя другого племени по голове мечом или затащить в подъезд и отобрать диски и деньги. А либерасты-орки, увидев чужого, начинали орать что-то политическое и дудеть в дудки. А если зазеваться – могли сунуть какую-нибудь листовку.

Таинственный и недоступный Тюлька

В этот день Леше по сети пришло письмо из секретной племенной рассылки – это было письмо вождя баранов Тюльки, в котором он призывал племя к последнему и решительному бою с орками и норками за Лысиный остров. Письмо было ласковое не в пример предыдущим.

NA-7268-XER

Тема: Фсех убить!

Бараны!

Беспесды настал час решительного и беспощадного сражения за нашу малую родину – Лысиный остров. Те, кто пойдет умирать рядом с нами плечом к плечу, получают материальные блага, недвижимость, пизнес, достойное жильё, респект и уважуху. Те из баранов, кто решил «отсидеться за печкой», будут поражены в правах лишением возможности участия в переделе собственности в пользу племени баранов, в народоуправлении и в занятии каких-либо значимых должностей в построенном нами государстве Баранья Русь, будут лишены права владения оружием и уже никогда не станут равными нам. В ближайшее десятилетие мы возьмем назад свою землю, возьмем власть и спросим с каждого, где ты был, сцуко, когда мы сражались.

Его Превосходительство Тюлька.

К письму прилагалась сетевая обучающая игра «Лысиный Остров», в которой орков и норков надо было разбить наголову, сжечь на кострах инквизиции, а у верблюдов отнять их рюкзаки.

Для того, чтобы обезоружить верблюдов, этого, считал вождь Тюлька, было достаточно.

Леха отметил в обязаловке по Лысиному острову: сходил на виртуальный митинг и марш согласных. Прошел игру «По лысине» с начала и до конца, заработал свой средний балл и накатал благодарственное письмо великому Тюльке в соответствии с принятыми у баранов канонами.

NU-1-IVAN DURAK

Тема: О, великий и недоступный Тюлька!

Твой народ день и ночь желает тебе здоровья, процветания, а начинаниям твоим удачи и бесконечного успеха. Твердь земная еще не носила на своих плечах такого великого воина и такого мудрого руководителя, как ты. Как и весь твой народ, я готов умереть за великое дело баранов и встать рядовым в строй в полной амуниции по первому твоему зову.

Член третьего звена, четвертого корпуса, рядовой Леха Гаврилов, сетевой псевдоним ivan durak

На этом официальная часть была закончена, и Леша в чате нашел своего онлайн-приятеля Хэлла, человека без роду без племени, и вместе с ним отправился грабить квартиру генсека ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Это была новая уголовная игра, чрезвычайно волнительная и изысканная. За победу в ней онлайн-обществом выставлялся высокий балл, и можно было взять деньгами или в онлайн-магазине распределителе можно было приобрести хороший, почти новый меч и латы.

Хэлл откликнулся немедленно. Он был чрезвычайно отзывчив на гнусные дела.

Этого Хэлла Леха в глаза никогда не видал, Но однажды, встретившись с ним в чате, состоял в переписке уже второй год. Был Хэлл злобен на слово и дело, знал все про всех, и даже про великого и недоступного Тюльку иной раз писал такое, что Леха немедленно стирал, так как боялся, что Тюлькины шпионы прознают про эту переписку. В сети невозможно утаить

тайну переписки. Тайна существует лишь до того момента, пока ты никому не нужен, пока тобой не интересуется полиция клана или свободные радикалы, которыми кишит Сеть.

...Леха с Хэллом быстро поделили роли. Этот дом на Кутузовском проспекте они присмотрели давно. Дом с аппетитными каменными завитушками, будто сделанными из шоколада, манил их своей недоступностью – «как гимназистка, которую так и хотелось трахнуть прямо в подъезде». Эти строки принадлежали перу Хэлла – он вообще был начитанный.

Кутузовский проспект времен Брежнева был прописан тщательно, до запахов, которые исходили из булочной в гостинице «Украина», напротив мегадома Брежнева. С утра по Кутузовскому проспекту играла музыка, а то и пускали по громкоговорителю речи генсека. Черные волги сновали с мигалками, распуская маленькие цветные Жигули.

Генсек занимал целый этаж. Но в подъезде жили и другие важные жильцы, и в него по обычаям 70-х можно было свободно войти.

Под видом водопроводчиков, в замасленных комбинезонах, слегка пованивая канализацией, Леха с Хэллом проникли в плохо охраняемый подъезд брежневского дома. Охранник, старый гэбист, давно спился на своей ответственной работе, и спал в своей будке. Он и не обратил внимания на двух незнакомых ребят, которые вперлись в подъезд с улицы. Беспрепятственно поднявшись на шестой этаж, «водопроводчики» вскрыли квартиру генсека. Навстречу им из глубины квартиры выкатилась домработница в фартучке-наколке. Хэлл безжалостно теснил тетку обратно в глубину квартиры, пока косым бегучим глазом не увидел дверь в туалет. Туда ее и засадил, прямо на толчок. Хэлл, подперев снаружи дверь ампирным стулом, пригрозил домработнице разными словами, которых он знал много.

Затем они с Лехой вбежали в гостиную с камином. И там первым делом увидели на камине малахитовые часы в бронзовом обрамлении. В игре «Дом Брежнева» эти часы были обозначены, как главная реликвия квартиры Генсека, которая хранилась не в сейфе, а в открытом доступе. Часы Генсеку подарил Луис Корвалан. Спереть эти часы, продать их к чертовой матери, и дальше уж целый год жить безбедно в онлайн. У игроков было пять секунд.

Леха с Хэллом, сделав два шага в глубину генсековской квартиры, сразу оба в четыре руки хват с камин в гостиной эти бронзовые часы с малахитом. Они были тяжелые. Больше ничего схватить не представлялось возможным.

Отважная домработница уже отодвигала позолоченный стул, которым загородили дверь в генсековский сортир. Можно было истратить еще пять секунд, и тогда вскрыть сейф. Но рискованно. Вполне вероятно, что не впишешься в отпущенное время. А можно было убить домработницу. Но Леха убивать тетку не хотел и потянул Хэлла к выходу из квартиры.

Леха сунул часы под куртку, на грудь. Грудь раздулась. Чертовски хорошо была нарисована игра. Часы бешено колотились.

В хронометраж игроки вписались. Однако когда они спускался в лифте на первый этаж, по всему дому уже была объявлена тревога – домработница вырвалась из сортира и позвонила в охрану. Гэбист проснулся и поднял тревогу. И Леха приготовился к почетной смерти. Обычно смерть в онлайн происходила быстро и безболезненно – неудачника просто расстреливали из онлайн-оружия, какого-нибудь бластера. Но не в этой игре. В этой игре были предусмотрены жестокие пытки в застенках КГБ. Пытки были изощренные: гэбисты, проспавшие нарушителя покоя генсека, раздевали преступника догола и глумились, сколько хотели. Об этом позоре быстро становилось известно всей сети. Леха боялся попасть в застенок на Лубянке и опозориться перед сетевой общественностью. А Хэлл на этот случай всегда носил при себе яд мгновенного действия.

Но все на этот раз обошлось. Хэлл, истратив десять очков, устроил в подъезде прорыв канализации, и на голову охранников полилось говно. Охранники засуетились. Стали собирать эту пакость с кафельной плитки совками для мусора. Домработница принесла из ванной духи

генсека и брызгала ими вокруг, одновременно приносиваясь. Леша, благодаря этой панике, проскочил незамеченным с часами под курткой.

Они выскочили на соседнюю улицу, через черный ход в подъезде. Улица выходила прямо на берег Москвы-реки. Вокруг холмились поросшие свежей травой кочки. Никто бы и не подумал, что это столичный район, расположенный строго позади правительственной трассы.

Леха еле отдышался.

Потом они с Хэллом продавали часы Брежнева на виртуальной толкучке и продали их одному бабаю, который собирался увезти шайтан-часы в родной аул и там подарить на свадьбу сыну.

...Увлечшись игрой, Алексей в очередной раз проглядел визит в цех менеджера и очнулся от жуткого крика: «Ты свободен! Вали отсюда!» – хамски кричал менеджер.

Можно подумать, что свобода – это как раз то, чего Лехе не хватает в повседневной жизни!

Уходя, уже собрав свои шмотки, Алексей последний раз с жалостью поглядел на Анечку – тихого кудрявого ангела, – которая работала офис-менеджером и целыми днями разносила кофе в бумажных стаканчиках. За год работы в этом офисе Алексей не перекинулся с Анечкой и парой слов.

Мамусик, наверное, не обрадуется, что Лешенька опять потерял работку, и целыми днями будет слушать тяжелый рок, а вечерами ходить на бесплатные концерты в ЖЭКе. Момент почти трагический, если бы не частая повторяемость. Леша терял работу каждый год.

Не хочешь поишачить за \$100 000?

И в этот почти трагический момент произошло нечто. Ну, Бог его знает, кто все это на небесах планирует. В тот момент, когда на Алексея мутной волной опять нахлынули переживания, перед Лешинной пятиэтажкой затормозил белый «мерседес», из него вышел плотный господинчик в костюме цвета ряженки, и прямо направился в заплыванный Лешин подъезд. Лешина мама как раз лузгала семечки у открытого окна и, увидев господинчика, тяжело задумалась, не промышляет ли проституцией новая жиличка, которая недавно сняла квартиру на их этаже. Потому что нечего делать таким господинчикам в этом доме, если только к девке подняться на пятнадцать минут.

Когда в квартире раздался звонок, Лешина мама вся замерла. Потом на цыпочках подкралась к входной двери и посмотрела в глазок. Так и есть: на лестничной площадке прямо перед входной дверью стоял тот самый розовый господинчик. Наверное, ошибся адресом.

– Вы к кому? – строго спросила Лешина мама из-за двери.

– Я к Алексею. Он дома?

??

– Да где ж ему быть? – со вздохом ответила Лешина мама и приоткрыла дверь.

– Здравствуйте, я Лешин друг. Можно к нему?

Мать посторонилась и пропустила господинчика в прихожую. Господинчик, мгновенно сориентировавшись, рванул прямо к Лешинному кабинету. Видимо, расположение квартиры он знал отлично. Будучи немного не от мира сего, Лешина мама просто не узнала в госте бывшего Лешинного одноклассника Антошку, который жил с родителями в соседнем подъезде, точно в такой же квартире. Просто они съехали давно из этого дома. И вообще съехали далеко от этой страны.

Антон Хавчик – бывший одноклассник Леши, по представлению Алексея, хитрец, если не мошенник, который прикидывается доброхотом, возникал в очередной драматический момент обычно с выгодным предложением поишачить за сто долларов. А отказаться, находясь в плачевном положении – невозможно. Появился Антошка с понтами, как он всегда любил. Для полного фарша ему не хватало только букета цветов.

Антон Марсович Хавчик, молодой человек тридцати лет, в отличие от Леши, давно уважал одну важную истину, которую вдалбливал народу Маяковский: «одиночка – ноль», и вывод: «всегда надо быть в банде».

Он понял это почти без посторонней помощи. Потому что имел умного папу. Его папа, зубной техник и часовщик, был типичный представитель отвергнутого здоровым советским обществом паразитариата. Он был одиночка и потому философ. И когда его мастерскую приходили грабить бандиты, папа всегда с уважением смотрел в их решительные и мужественные лица, держа во рту небольшие слитки золота и платины, сэкономленные на материале заказчика. «Берите фсе!» – твердила жена техника, пока сам Марсий молчал, набравши золота в рот...

Поэтому их сын, наблюдавший за визитами крепких парней сидя за шкафом, рано набрался ума и усвоил мысль о том, что «настоящий человек должен быть в банде».

Теперь у младшего Хавчика была-таки своя банда. Он был в ней почти что главный. И мог позволить себе нанимать исполнителей.

Подслушивать у двери Лешина мама не стала, потому что в высшей степени себя уважала. Она еще помнила, как работала в НИИ инженером и даже научным сотрудником. И поэтому она напряженно продолжала совмещать лузганье семечек с тяжелой умственной работой.

Господинчик вышел от Лешы только через два часа. Вежливо кивнул Лешиной маме и проскочил в дверь. Она слышала, как бодро загремели по ступенькам его ботиночки. Она кинулась к кухонному окну, чуть не свалив вниз горшок с геранью, и увидела, как «мерседес», ароматно отпрыгнув, покотился по двору в сторону улицы.

- Ле-еш! Чей-то он к тебе? – спросила мама.
- Ничего. Какое тебе дело? – огрызнулся Леша.
- Работу, что ль, предлагал, или как?
- Или как!

Леша был потрясен визитом Антошки не меньше своей матери. События развивались следующим образом. Антон Марсович Хавчик постучал в Лешину каморку, нарушив священные минуты: Леша слушал тяжелый рок. Эта музыка вносила гармонию в его расстроенную душу.

Морда этого мерзавца, которая влезла в кабинет, была розовая, довольная, только что с заграничных Югов.

- Здорово, – сказал Антон. – Медитируешь? Ты сейчас служишь где-нибудь?
- Только сегодня уволился, – отрешенно сказал Леша. – По собственному желанию.
- О! Это кстати. Я предлагаю тебе работу, Леша, ты останешься доволен. Гонорар в перспективе – сто тысяч долларов. Десять отдаю тебе прямо сейчас. Остальные – по выполнению базового задания.

– Ско-олько?

Леша присел на диван и посмотрел на Антона. Антон всегда был враль и редкий подлец.

– Ты хоть понимаешь, что ты произносишь? Ври да не завирайся!

Антон прикусил губу. Вот, черт, кто его дернул за язык! Ведь Лешка будет работать и за десять. Ему сумма в сто тысяч долларов за работу, которая реально стоит больше миллиона, кажется охренительной.

Антон вынул из внутреннего кармана пачку зеленых в банковской упаковке. Леша взял пачку в руки, повертел. Десятка. Это была его зарплата за полгода. Совсем даже неплохо.

– А что ты хочешь?

– Леша, мне надо создать Игру. Ее дизайн. Программу. Чтоб работала как часы. Чтобы в нее играли бы одновременно... – тут Антон вперился в Лешу своими глазками-буравчиками, – полмиллиона человек в Москве и ближнем Подмосковье.

– Это невозможно, – быстро ответил Леша. – Столько народу одновременно ни в одну игру не играло. Я знаю все игры, которые ходят на рынке.

– Ле-шша! Мне нада! Понимаешь? Я же знаю, что это можно. Если надо.

– А сценарий из какого кина возьмете?

– Сценарий не из кина. Сценарий – оригинальный.

– То, что не из кина – плохо. Народ любит знакомое.

Антон хитро посмотрел на Лешу и сказал:

– Всего у нас есть полгода.

– За полгода воды утечет...

– Куды она утечет в нашем-то отечестве? – насмешливо спросил Хавчик.

Не свойская компания

Сумма гонорара показалась Леше настолько убедительной, что он растерялся. И впервые за последние десять лет критически осмотрел себя в зеркале. «Ужос!» – мелькнуло у него в голове. Зеленые брюки. Серый свитер. Пластиковый пакет.

Алексей достал из книг заначку (деньги Заказчика он сразу решил не трогать) и направился в парикмахерскую, расположенную недалеко от дома.

В дальнейших планах у него было посещение вещевого рынка на Щелковской и покупка на нем роскошного костюмчика аж тысячи за четыре рубля. И к нему две пары рубашек. Алексей почему-то решил, что на встречу в офисе Заказчика надо прийти прилично одетым.

На рынке Лешка метнулся к первому попавшемуся шатру: хозяйничали там толстый маленький хохол и его жена в обтягивающей мощный торс кофте со стразами. На каждой груди у нее стразами было выложено по ордену Ленина. Леша глаз не мог отвести от кофты.

В павильончике плотно висели костюмы неизвестного происхождения с брендами, отдаленно напоминающими мировые. Леша пощупал материю первого попавшегося серого костюма. На ощупь ткань была суховатая, шершавая.

– О, це гарно! Це прима, – сразу же уверил хохол. – Примэрочная вон там. – И хохол втолкнул Лешу за пыльную занавеску. На стульчике Леша разделся и натянул на свои тощие мослы брюки от костюма. Поскольку задницы у Алексея отродясь не водилось, брюки сзади свободно пузырились. Зато пиджак лег на широкие, слегка сутулые Лешины плечи и прикрыл зад.

– Як влитой, – резюмировал хохол. – Берем?

– Я не знаю, – промямлил Леха.

– Та божечки мои! Жинке покажешь, не сподобається – то повернешь.

Леша неопределенно мотнул головой. Он покупал костюм первый раз в жизни.

...Завтра наступило. И Алексей, облаченный в новый костюм, белую рубашку, которая стояла колом, и почти новые желтые полуботинки, которые хранились у мамы в шкафу еще с советских времен – отчего стал похож на тракториста, собравшегося на танцы, явился в офис. В руках он держал неизменный пластиковый пакет с программными дисками. В пакетике, кроме дисков, лежала еще бутылочка воды без газа. Леша старался больше пить чистой воды – это полезно для здоровья.

В офисе заказчика уже собралась небольшая «банда». Так Алексей ее окрестил про себя. Их модные пиджаки, их замшевые туфли и очки в платиновой оправе сразу напрягли Лешеньку.

— Ну, вот, и программист прибыл. Будем начинать совещание нашего рабочего штаба, – сказал Антон Марсович.

Все неодобрительно оглядели Лешу, будто он был подержанный «Запорожец». Про себя они, наверное, оценивали, доедет ли «жопарь» до пункта назначения.

При этих людях Антон держался как босс. Говорил церемонно, с интонациями эстрадного конференсье.

«Эк у них тут не по-свойски», – подумал Леха и сразу стал утомляться.

— Знакомьтесь, – сказал Антон, – здесь собрались лучшие головы Российской империи. – Наш сценарист Витя Булд. Ну, вы слышите его картавую речь на «Эхе Москвы», вы знаете, его рук «дело ЮКОСа» и «Оранжевая революция» – это все Витя Булд. – Антон словесно вертел Витю и так и эдак. – Господин Булд патриот своего отечества, что не мешает ему трезво оценивать перспективы нынешней власти.

Леша не понял, Булд – это фамилия или кликуха. Но спросить было неудобно. Зато он понял, что все тут друг с другом давно знакомы. И Антон устроил театр для кого-то одного. «Для меня, что ли, он их такими кентами выставляет?» – подумал Леха.

Булд был высокий, худощавый, с крашенными хной рыжеватыми чуть выющимися волосиками. Под мышками он был потный.

Говорил он очень быстро. Быстрее, чем Леша соображал. Про себя Леша назвал его «картавый», потому что периодически он вдруг изображал из себя старого еврея и начинал картавить и карежить слова.

Леша не знал, что у Вити Булда наблюдается необыкновенная тяга к спорту и семейной жизни. На работу он приезжал на велосипеде и в велосипедном шлеме. Велосипед он часто

затаскивал прямо на этаж, где был расположен кабинет Антона, потому что боялся, что внизу, в вестибюле, его сопут. Наверное, велосипед был дорогой. А в речи Витя Булд повсеместно ссылался на свою никому не известную супругу. «Моя супруга, например, говорит, что кур можно доить». Странность была, впрочем, не в этом: у супруги Булда, то есть мадам Булд, было все время разное лицо. Но имя одно и то же: Наденька. Как у супруги Владимира Ильича. Наденька то возвращалась с Кубы, где почему-то отдыхала одна, то она ваяла глиняные горшки, которые выставляла на каких-то выставках, то мастерски варила картошку, как никто не умеет.

Раз в год Антон видел издали эту Наденьку на какой-нибудь тусовке. Но на следующий год она была как бы уже другая. То она была худая и длинная, лет двадцати с небольшим гаком девица. То вдруг становилась тридцатилетней. Но старше тридцати не была ни разу. И так продолжалось много лет.

И как-то Антон вдруг понял, что это были совершенно разные бабы. Всегда молодые, которых Булд, которому было уже далеко за полтинник, где-то кадрил и приводил к себе жить. По-видимому, они были все приезжие, бездомные. Пожив у Вити, очередная бездомная Надя сбегала дальше по жизни, а Булд находил в парке или на вечеринке другую и приводил ее под именем супруги жить в свою однокомнатную квартирку.

Настоящей жены у Вити никогда не было. И кто знает, может, он страдал от этого.

– Наш эстетический и креативный директор Илюша Натюрморт, – поклонился Антон Хавчик в сторону Илюши.

«Гы-гы, «натюрморт», яка смешна фамилия», – остроумно подумал Леша, как ему показалось, не вслух. Но все услышали. Ну, и ладно, Леша был неинтеллигентный человек, если смешно, то он смеялся.

Натюрморт напоминал директора ресторана в каком-нибудь Геленджике. Южный мужчина, с пышной бородкой, в которую хотелось воткнуть елочную игрушку, и с пузиком, но мельче Булда ростом. В демократичных полотняных брюках.

— Илюша Натюрморт – это фигура, олицетворяющая современное искусство, из табуретки он может выжать столько денег, продав ее на аукционе, сколько иной не выжмет из Айвазовского. Он – это умение развести клиента. Только Илюша умеет взять деньги у Кремля на антикремлевский проект, сделать его и еще раз взять у Кремля, чтобы проект закрыть. Да так, что Кремль даже не поймет, как его развели! Это гений...

Выслушав этот панегирик из уст руководителя проекта, Илюша Натюрморт довольно улыбнулся, показав желтые, стертые посередине, зубы.

— И, наконец, программное обеспечение – Леша Гаврилов, – представил Антон нашего героя.

Вежливые люди промолчали. Программист – что с него взять. Леша, безусловно, относился к числу таких товарищей, про которых в Интернете пишут одну фразу: «Кто все эти лю-ди?» То есть он был Никто. Пустое место. Подвигам за ним не водилось. У Кремля он ни разу ничего не брал. Он даже не знал, с какого входа туда заходят. И вообще, Леша ни разу не выходил за пределы своей страты, как не выходит за ее пределы весь русский народ.

— И есть еще славный мальчик, он руководит восемнадцатью миллионами свободных блоггеров, объединенных в Живой Журнал. Он сдаст этих блоггеров нам в аренду по сходной цене. Зовут этого замечательного владельца свободных блоггеров Аркаша Ворд. На его счету много удачных проектов.

Аркаша, который сидел в углу, встал и поклонился. На макушке у него оказалась кипа, которую он прикрепил к голове большой пластмассовой скрепкой.

«Гы-гы, еще одно фамилие», – заметил Леша, воровато оглядываясь на своих новых коллег. На этот раз никто не услышал.

Еще Леша про Аркашу злорадно подумал: «Типичный пesdaбол», продукт саморекламы». «Сниффера от стаффора не отличит».

— А где наша социология? – вдруг удивился Илюша Натюрморт. И все рассмеялись.

— Наверняка опять сцепилась с гаишником, – предположил Антон.

— Не завидую тому гаишнику, – широко улыбнулся Булд.

Представив всех друг дружке, Антон вольготно уселся в кресло, рядом с Алексеем. И тогда Алексей тихо спросил его: «А про что будет игра?»

И Антон, слегка покрививши рот, так же тихо ответил: «Игра будет про большие перемены». «А когда у нас будут эти перемены?» «Когда мы их сделаем». «По-моему, перемены сделать нельзя, – авторитетно заявил Леша. – Они или возникают или не возникают. Скорее последнее». «Это тебе так кажется», – недовольно буркнул Антон Марсович. А потом добавил:

— Что ты разodelся как на похороны?

Леша понял, что его шикарный костюм тут не оценили.

В этот момент дверь широко распахнулась, и в зал тяжелой птицей влетела женщина в развевающихся одеждах. Она была того возраста, про который говорят: «еще молодая». Длинный шелковый шарф обвивался вокруг ее мощной шеи. Но удавить ее, как Айседору Дункан, было бы невозможно.

— Простите, мои хорошие, везде пробки-пробки, еле добралась.

Все кинулись поднимать с пола ее сумочку, которую она почему-то уронила, и разом потеряли путеводную мысль.

Антон терпеливо подождал, когда закончится комедия, и представил тетку:

— Алла Георгиевна, специалист по социологии. Это женщина заменяет целую бригаду исследователей. Она видит под собой на четыре метра. Вы для нее все прозрачны, как градусники. Бойтесь и радуйтесь, что жизнь свела вас с этой волшебницей!

Тетка озарилась улыбкой.

«Загадочная женщина», – поежился Леша, узрев все ее сорок четыре ядовитых зуба.

— Начинаем мозговой штурм в узком кругу, – произнес Антон. – Чем меньше народу будет знать, кто начал Игру и почему начал, тем будет лучше для нас для всех. Сейчас все подпишут бумагу о неразглашении.

В зал вошла секретарша и положила на стол пачку бумаг. Антон пододвинул каждому один экземпляр.

— Договор подписывается в одном экземпляре и остается у нас. Прошу прочитать и подписать.

Леша пробежал текст, и его глаза выхватили только одну фразу, которая его испугнула: «В случае разглашения информации служебного характера подписант подвергается санкциям, вплоть до физического уничтожения».

Прочитав эту фразу, Леша отодвинул от себя договор и затравленно посмотрел на Антона.

— Что, не видел таких бумаг? Ты, Леша вообще мало видел в этой жизни. Не бойся, подписывай. Предупрежден – значит вооружен. Ты же не станешь болтать лишнее?

— Подписать? – шепотом переспросил Леша.

— Конечно!

Леша закрыл договор локтями и тихо, но упорно потащил его к краю стола, всемерно налегая на него. Через минуту титанических усилий, направленных на то, чтобы договор двигался со скоростью черепахи, переходящей из одного столетия в другое, Леша достиг желаемого: договор оказался у него на коленях. Тут он его плавно эвакуировал в целлофановый

пакет, прислоненный к ножке стола. Операция заняла минут десять, но показалась Алексею долгой, как сутки в карцере.

— Итак, – перешел к делу Антон, – характер событий, которые мы готовим, должен производить впечатление естественного хода истории. В любой стране возникает мода на то или иное социальное явление, которое захватывает наиболее активные круги, а затем расплзается среди самых отсталых слоев. И тогда кажется, что вся страна играет в МММ или чатится в чатах, или берет ипотеку или ходит на сайт «одноклассники.ру». Потом мода на что-то проходит, а на что-то возникает. Но эти волны вздыбливаются и опадают не стихийно, а благодаря усилиям заинтересованных кругов. Это только простым гражданам кажется, что все происходит само собой. За всеми волнами стоят опытные модераторы, большие настоящие деньги, и, наконец, вменяемые лидеры.

«Да ладно? – недоверчиво подумал Леша. – Всюду, значица, вы, умники такие... а под вами мы, значица, идиоты несмышленные...»

— Перед нами стоит грандиозная задача – вовлечь в новую социальную Игру хотя бы полмиллиона человек, проживающих в Москве и Ближнем Подмосковье. – Наш программист Алексей уверяет, что столько народу еще ни разу не играло ни в какую онлайн-игру одновременно. Людей трудно собрать в одном месте в одно время. Статистика вещь упрямая: как только она подключается, становится ясно, что в одну и ту же игру играет ничтожно малое число людей. Ничтожное. Все играют в разные игры. А это плохо для нас.

— Зато миллионы людей играли в игру МММ и в другие пирамидки, – отозвался из-под обвисшего плеча Илюша Натюрморт.

— Позвольте, коллега, я только что об этом именно и сказал, и подчеркнул, что вовлечение людей в любые социальные проекты происходит только благодаря усилиям технологов. Без технологов народ только пьет пиво и ходит в туалет. Остальное все делаем мы. Вовлекаем. Трясем. Просвещаем. А вы перебиваете и никого не слушаете. Только себя. Только себя. Только себя.

Антон заелю.

— Дайте мне сказать, – настаивал Илья. – Не хочу, чтобы у вас были иллюзии.

— У меня? Иллюзии? – изумился Антон Марсович. – Я же не девушка.

— Я вам говорю: народ сам никогда не выйдет на улицы. Ему хорошо в своем уголке.

— Да мы пока про улицу, коллега, вообще ни слова не сказали. Мы пока говорим о создании игры, – оборвал его Антон.

Но Илюша нес свое:

— Вы про улицу не сказали, но вы про нее подумали. У вас на лице написано про улицу. Поэтому повод для уличных беспорядков, – тут Илюша сделал паузу, – должен быть реальный, беспепелляционный и совершенно неразрешимый.

— Какие, вашу мать, беспорядки? – грозно прорычал Антон Марсович, оглядываясь и резонно полагая, что его офис напичкан жучками. – Мы обсуждаем социальную Игру, которая осчастливит народ, позволит обучить население активному участию в улучшении своей жизни! Социальный проект. Деньги прошли через Министерство социального развития!

— Деньги на раскрутку МММ тоже проходили не через американский Госдеп, – мерзко ухмыльнулся Илюша Натюрморт.

— А вы это наверняка знаете?

— Наверняка знаю. Они проходили по ведомству ГРУ. Главного разведывательного управления Генштаба. После разгрома МММ еще года два в этом ведомстве черновики деловых бумаг писали на листовках МММ.

Денег в стране было много, и был найден способ, как снять денежный навес. И сняли. Нашли этого... навроди Мавроди.

— Никогда не слышал об этом, – признался Антон. – Сплетни, должно быть.

— Я не вижу, Антон Марсович, в этой стране повода к неудовольствию и народному возмущению, – опять завелся Илюша. – С тех пор, как на подмостках всех театров страны идет революционная драма «Колбаса», поставленная Егором Гайдаром в 1992-ом году, население ни разу не бунтовало против Режима. Население справедливо считает, что у него все есть. Вот, в 91-ом, когда не было колбасы, люди вышли воевать, как им показалось, за свободу. Свобода и колбаса переплелись в сознании масс. А сейчас, когда всего полно, кто пойдет воевать? Деды маньячные с красными флагами? Помрут по дороге. Хочу остановиться на ваших последних тезисах: нужны модераторы, большие настоящие деньги и вменяемые лидеры. Отсутствие хотя бы одной из этих составляющих, и замысел летит к черту.

— Так-так-так-так... – забарабанил пальцами по столу Антон. – И ты не веришь в наше дело?

— Есть такая профессия – делать то, во что не веришь. Это профессия политтехнолога. Все засмеялись.

— Нельзя делать то, во что не веришь, – парировал Антон Марсович.

— В идеале да, – согласился Илюша. – Но я циник. И из-за денег я часто делаю то, во что ни на грош не верю. А вас я просто опускаю. В смысле, опускаю на землю. И сообщаю вам, что есть только один способ вытащить людей на улицу – это создать страну Эльдорадо, а потом отнять страну Эльдорадо.

Все перестали шептаться и хихикать и прислушались.

— Сначала людям надо НЕЧТО волшебное всучить, а потом, когда они привыкнут к нему, обживутся в нем – тогда отнять. И вот тогда, когда они возмутятся, можно будет их вытащить на улицу. А нынче – посмотри в окно: троллейбусы ездят, свет горит, граждане покупают продовольствие, готовясь к очередному празднику. Где тут революционная ситуация? Кто пойдет голосовать за нашего кандидата? Да и есть ли у нас кандидат?

— Да речь не идет о выборах, – тихо сказал Антон Марсович. Мы с ними успешно справились в прошлом столетии. В них никто больше не верит. Поэтому проблема отпала.

— Ну, и пгавильно, батенька! – заскоморошничал Витя Булд. – Поскольку наш народ в условиях демократии голосовал бы или за коммунистов или за фашистов, нам стало ясно, что выборы надо осквернить и упразднить, как опасную игрушку. Правильный капитализм через выборы в нашей стране не построишь. Вспомним слова Бернарда Шоу: «Демократия – это значит, что власти уже не назначаются горсткой развращенных, а выбираются невежественным большинством».

— Ну, спасибо, что объяснили! Куда мы без вас, – осадил его Антон Марсович. – Выборы у нас под контролем. Когда мы работали на другую сторону, преемник был правильно программирован и вовремя введен в эксплуатацию. Нами был использован глобальный советский миф о «хорошем кагэбэшнике», о честном самоотверженном парне, которые сохранились только в недрах тайного ордена КГБ-ФСБ. Мы раскручивали фигуру Андропова, потом подложили под нее ВВП. Набросили тень великого на малое и получили хороший результат. Теперь речь идет о принципиальной смене парадигмы. Проект «хороший кагэбэшник» окончательно протух. Кагэбэшники оказались такими же продажными, как и менты. Глобальный миф о спасителях России из лубянского ведомства сдулся. И заказчики теперь другие.

Антоша забарабанил пальчиками по стеклянной поверхности стола, выбивая неизвестную мелодию. Хорошо выбивал. Душевно. Неожиданно Леха понял, что это «Варшавянка».

На-бой кро-вав-вый,

Свя-тый и прав-вый

Маршш, мА-арш впер-ре-оод,

Раб-боччий нарррод!

Когда музыкальная пауза закончилась, Антон Марсович очнулся и продолжал:

— Хотел бы уточнить распределение ролей еще раз. Политический сценарист в нашем проекте – Витя Булд, а не вы, Илья. Я – организатор, финансист, я держу связь с заказчиками. А вы, уважаемый Илюша, если не возражаете, работаете на этом проекте постановщиком гадостей. Вы должны уметь, и вы это умеете, рассмотреть любую пакость под углом эстетики, а не этики, и изобразить ее как артефакт. То есть как акт искусства. Потому что если говну не придать художественную форму, то оно и будет просто говно. Только то, что прошло через эстетическую обработку, вызвало шквал эмоций, усваивается обществом и воспринимается как факт. Остальные события, не отраженные ни прессой, ни искусством, проходят мимо сознания населения. Мы все тут недооцениваем искусство.

Илюша Натюрморт криво улыбнулся и кивнул. Алексею показалось, что он обижен распределением ролей, но внешне демонстрирует покорность. Во всяком случае, он кратко изложил свое видение:

— Я считаю, что дизайн нашей Игры с большой буквы должен быть передовой и отвечать скрытым побуждениям толпы. Исследования показали, что россиянам нравится сталинский ампир и гитлеровский гламур. Наш народ это обожает. Стильно и величаво. ВДНХ. Третий Рим. Кремлевские башни со звездами. Воздушные парады 35-го года в Тушино. Трамваи, которые идут в Тушино, обвешаны гроздьями девушек. Платья их развеваются, и видны трусы-фонариком, с резинками. Я недавно отсматривал старые кинохроники с воздушными парадами именно 35-го, 36-го и 37-го годов – это снято как будто рукой Лени Рифеншталь, которую обожал Гитлер. Совершенно точно понятно, что сталинские операторы прошли обучение в гитлеровской Германии. У Сталина был безупречный эстетический вкус. С этим не поспоришь.

А потом я отсмотрел парад 51-года. После Великой Победы совсем другое дело. Даже морды у летчиков стали ширьше тыквы. Никакого гламура.

В общем, Леша, вам следует посмотреть фильм Ивана Дыховичного «Прорва» и начало Игры сделать в его эстетике. Там все есть: и ВДНХ, и вечный Первомай...

— Позвольте. Я тоже уважаю северокорейское бетонное изобилие и римских быков с гипсовыми яйцами. Но нам нужна современная лужковская Москва, с тремя безобразными композициями Церетели и памятником «Батурина-на-коне», – сказал Булд. – Игрока все должно уже к полудню в Москве раздражать и побуждать к разрушению. У людей должно родиться чувство личной обиды, неудачи, упадка, бессмысленности усилий. И когда мы им покажем выход – они ринутся в него. Там и будет вставлена ловушка. Так что рисовать надо роскошней, глумливей. Забудьте про стилистику «Третьего Рима» и «Третьего Рейха», нацельтесь на лужковскую безвкусицу, и все пойдет, как надо. Оскаленные небоскребы Сити. Растущие цены на квартиры.

«Они думают, что я лох и ни фига не смыслю в стилях», – догадался Леша.

Ему грезилось, что он может нарисовать любой дизайн любой Игры, пусть она будет хоть самурайская драма из японского Средневековья. Поэтому не надо бычливо пялиться на бедного программиста, не глупее вас, подонки...

— Хорошо, – сказал Антон, – дискуссия идет плодотворно.

— До сути-то дойдем? Или опять нельзя? – спросил Булд.

Антон важно кивнул: говорите!

— Задача специалистов – разработать такую систему знаковых событий, которая постепенно сделает участников онлайн-Игры рабами ситуаций, заложниками затраченных ими средств. И выведет пипл на улицы города – громить витрины и делать Хаос. Игра – это политический макет Государственного переворота, которому предшествует Хаос, – сказал Булд.

— Ой, ну, вы прямо обостряете, – пробормотал Антон.

Все присутствующие с сомнением переглянулись.

— Нужен сценарный ход. Нужно сообразить, что мы можем в короткий срок раскрутить, а потом закрыть, чтобы заставить народ возмущаться. Пока, я полагаю, остальным рано начинать. Сбор назначим через неделю. Наверное, буду уже готов.

Все вышли покурить в специальную комнату с вытяжкой. Леша не курил вообще никогда и поэтому попросился на улицу.

— Пойду кружечку пивка, – деловито пробасил Леша.

Только Леша скрылся за дверью, Булд заметил:

— Ласковое животное привязалось к ученым...

— Что вы имеете в виду? – хмыкнул Антон.

— Не наш он человек. Он даже не картавит.

— Что да – то да, – подтвердил Антон.

— Он же обычный идиот. Пойдет и нас всех заложит дворнику. Думаю, это его уровень.

Антон злобно бросил:

— Вам все кажутся идиотами. Вы не любите наш народ.

— Ну, что вы...

Кружечка пенистого на чужой территории

...Леша вышел из офиса Антона, и несколько раз шумно вдохнул воздух. Ему стало легко и хорошо, как в детстве. Он берег и любил в себе именно это душевное состояние. Алексей терпеть не мог забот, ненавидел, когда его незамутненную детскую душу что-нибудь отягощало. И предстоящий контракт на полгода его не радовал. По большому счету, Леша не любил работать много и ритмично. Он любил жить, как ребенок: два часа работы, кружечка пивка и...на боковую. Мысль увильнуть от школьного дружбана Антошки уже пробивала дорогу в его утомленном мозгу.

И картина страны Эльдорадо не соблазняла Алексея. Ну, какие события могли происходить в этой кукольной стране с кудрявыми деревьями?

Увидев пивную палатку, Алексей пристроился в очередь, накрыв голову от солнца пластиковым пакетом, и стал предвкушать свой сегодняшний бонус: кружечку пенистого пивка «Балтика».

Но, постояв буквально две минуты, Леша почувствовал безотчетную тревогу. В очереди явно стоял Чужой, причем где-то неподалеку, и этот Чужой заметил Лешу раньше, чем Леша его. Леша встал на цыпочки и по затылкам попытался вычислить Чужого. Затылок, стоящий впереди на четыре человека, показался Алексею подозрительным. По всему было видно, что это хрен из племени дубинноголовых норков. Затылок его был брит, и на нем задом наперед напялены были темные очки – норки любили изображать всевидящее око и третий глаз. В штанах у норка, наверняка, был спрятан короткий меч, и норк постарается подстеречь Лешу.

И пока Леша стоял, мысленно выстраивая игру «Эльдорадо», как детскую мультяшку, норк, скорее всего, лелеял коварные замыслы. Когда Леша приблизился к заветному крантику, до него вдруг дошло, что дядьки мультяшную работу про кукольную страну «Эльдорадо» не примут, они хотели совсем другое. Они имели в виду плохую игру, взрослую. Леша поежился. «Не свалить ли мне от них, пока не поздно? И денежки прихватить. Отсидеться с мамкой на участке, – подумал Леша. Но тут же и вспомнил: «Ой, я же унес их договор о неразглашении! Сейчас они обнаружат пропажу!» Лешу пронизал приступ детского страха перед неотвратимым наказанием.

Очередь за пивом тут и подошла. Леша взял две кружки пенистого и пошел за пластмассовый столик в тень большого дерева. Рядом со столиком культурно стояла урна, куда граждане сметали очистки воблы.

Леша сдул пену с пива и сделал два глотка, когда затылком почувствовал, что к нему приближается норк. Норк поставил свои кружки пива рядом с Лешиными и приветливо улыбнулся. Глаза у норка были добрые-добрые, но внутри их притаились будто две металлические скрепки.

— Будем здоровы! – чокнулся норк с Лешиной кружкой.

— Угу, – ответил Леша.

Норк осушил кружку в два приема, не сводя глаз с Лешиных серебристых рогов.

— Ты чего забрел на чужую территорию? – спросил норк, отпивая из второй кружки.

Алексей молчал.

— Тебе говорю! – напирал норк.

— Отвяжись, я пиво пью, – сказал Леша.

— А потом пойдешь ссать в наш подъезд, территорию метить, – сказал норк. – Только попробуй пописы где-нибудь, я тебе живо навешаю.

— Да не собираюсь я ссать, – заверил Леша.

— А какого ты тогда рога прицепил? – резонно поинтересовался норк. – Если ты вышел культурно отдохнуть, то не надо было цеплять рога. А если ты нацепил рога, значит ты вышел воевать. Пойдем отойдем в сторону и сразимся.

— Че я, больной, что ли? – вяло послал Леха. – Я с собой меч на работу не таскаю.

— Ага. Ты только рога таскаешь, – сказал норк и треснул Леху по голове полной кружкой. Пиво выплеснулось Лехе на лицо и на новую рубашку.

На секунду из Лешиних глаз посыпались искры. И, уже теряя равновесие, Леха ухватился за стол и опрокинул его вместе с пивом и рыбной шелухой.

Тут же со стороны пивной палатки раздался свисток, и вышел парень на кривых пружинящих ногах в широких спортивных штанах с лампасами. Увидев Лешино лицо с громадной шишкой на лбу, спортивные штаны вразвалку приблизились и угрожающе сказали Лехе:

— Ты чего залупаешься?

Норк тут же достал из нагрудного кармана какое-то удостоверение и сунул его в рожу спортивным штанам.

— Да, знаю я вас в лицо, – сказали спортивные штаны, приветливо улыбаясь норку.

Что ж, сам виноват: забрел на чужую территорию, да еще рога прицепил. Так подумал Леха, прежде чем потерять сознание.

Очнулся он от того, что ему прыснули в лицо холодным пивом. Кто-то приложил кружку к его шишке на лбу.

Зеленые спортивные штаны срочно закрыли палатку на «технический перерыв». Над Лешей склонился давешний норк и, обдавая запахом рыбного закусона, приветливо улыбнулся поверженному барану.

Леша пощупал грудь: рога пропали.

— Вставай, Брат, сказал норк. – Ты получил хороший урок. Встретимся в онлайн.

И норк подал Леше руку, помогая подняться.

В мрачном настроении Алексей побрел домой. По дороге он планировал, как быстро соберет абалаковский рюкзак, скажет матери, что хочет заняться участком и домом и, взяв с нее слово – молчать в тряпочку и никому не называть его местонахождение, смотается сегодня же, на последней электричке.

Всегда лучше быть подальше от событий.

Ч.2

В которой компания Антона Марсовича пытается создать страну безграничных возможностей, а Леха мигрирует во внутреннюю Русь

Страна Эльдорадо, которой не может не быть

Совещание в офисе тем временем продолжалось. Отряд не заметил потери бойца. Пропажа программиста Алексея после перерыва была воспринята всеми оставшимися участниками совещания положительно. Действительно, лучше этому парню пока посидеть где-нибудь в тенечке, попить пивка, пока взрослые люди не договорятся меж собой, как сделать бомбочку или конфетку.

— Уважаемый Илюша, – церемонно начал Булд после перерыва, когда подали кофе и сухарики, – думаю, тут никто не будет возражать, чтобы вы, как человек, близкий к искусству, и к народу, создали хотя бы словесный портрет той сладкой страны Эльдорадо, о которой мечтает наше население. Страны грез. Картины из белого шоколада, с кудрявыми карамельными деревцами, с маленькими пряничными домиками под черепичными крышами. С железной дорогой, которая похожа на ту, которую продают в магазине игрушек, но купить которую никому из них не по карману. Пусть это будет воплощение мечты среднего советского инженера о заграничном рае, который неожиданно воцарился у нас на родине.

— Можете?

— А вы, что ли, не можете? – огрызнулся Натюрморт. – С чего вы взяли, что наше население грезит о таком вот швейцарском рае? Я догадываюсь, что большинство в мечтах рисует себе то, что и имеет в итоге, отечественное, посконное: зеленый двор у подножия пятиэтажки, скамейки, крашенные в желтый цвет, стол и домино. В песочницу поднимает ножку соседская собака. Ее гоняют тетки хозяйственными сумками. Соседи играют в домино и пьют пиво «Очаковское» из большой пластиковой бутылки. Жены в одинаковых застиранных ситцевых халатах зовут с балконов ужинать. «Василий Петрович! Давай домой – сериал начинается!»

А на ужин у них – картошка с салом и жаренная на сале колбаса. Соленый огурец и сто грамм.

— Ой, не надо об этом, это так вкусно, а я еще не обедала! – вскрикнула Алла Георгиевна.

Все задумались. Выходило опять, что средний российский человек имел все, к чему привык, а ничего больше он и не хотел, и ни к чему не был готов.

Некоторое время все молчали. Наконец, Илюша произнес:

— Послушайте меня. Хотя я и не отвечаю за политику, а отвечаю за эстетику, поверьте, что отличить одно от другого сложно. Наше дело – навязать населению более высокий уровень притязаний. Втянуть население в систему кредитов, превратить это сонное болото в общество высокого потребления. Сильные мира сего жалеют людей, как пастух жалеет своих молчаливых ягнят. Поэтому за последние лет двести наблюдается прогресс в средствах господства. Раньше людей гнали палкой, а теперь все больше внушением. Чтобы ты сам делал то, что нужно господам – будто только об этом и мечтал. Как говорят, «тиран повелевает, а манипулятор соблазняет». Мы – манипуляторы. Соблазнять людей – дело сложное. Операций в нем много, одна из них – отвлечение внимания. Сам термин манипуляция взят у фокусников. Они умеют отвлечь зрителей от главного объекта. Иллюзионист переключает их внимание на специально создаваемые явления с помощью слов, жестов, внешних эффектов вплоть до огня и взрыва. Взрывы мы уже использовали. Эффективно, мощно. Мы эксплуатировали страх. Но взрывы можно применять только тогда, когда играешь на стороне государства. Тогда тебя прикрывают с тыла прокуроры и следователи. А если никто не прикрывает, так тотчас же и поймают. Поскольку мы играем сейчас на другой стороне, придется обойтись без взрывов. Игра пойдет на деньги и на страхе их потерять. На чем и возрос современный Запад. Деньги. Их никогда не имел наш народ. Власть боялась доверить народу деньги, чтобы народ не сделался самостоятельным. Чтобы он не сделался средним классом, а всегда оставался бы народом, то есть оставался бы вечным ребенком. Народ никогда не взрослеет, потому что ему нечего терять и не за что отве-

чать. Только выйдут из школы – в армию! Из армии – на завод. Всюду государство. Кругом надсмотрщики. Думать и решать не надо. Дома решает жена.

Деньги – это мощный заменитель творчества. В свое время мой папа твердил мне, что я – бездарный, бесполезный тип. У папы была известность и льготы. А папа у меня был знаменитый в одной советской республике писатель. И считал, что его успех будет вечен. Но рухнул Советский Союз. Папины книжки оказались никому не нужны, и люди их сдали в макулатуру. Теперь я содержу своего нищего папу, и его третью жену. И папа находит меня способным человеком, и даже талантливым. Хотя не понимает, чем я зарабатываю. Но ему нравится. Деньги, знаете ли, полируют многие шероховатости. Глупый с деньгами становится умным, бездарный – талантливым, уродливый – красавцем. Надо приучать простого человека к деньгам, и дергать за ниточку денег.

Человек, которого мы описали, сидит вечером во дворе в синих сатиновых трусах, зеленой исподней майке, и ему ничего не надобно, денег он отродясь не занимал ни у кого, кроме тестя своего да соседа – до получки. Процента мужик боится, как и жида-процентщика. От слова «банк» он сразу выпадает в осадок – в банке одни жулики сидят. Такой он, наш субъект с низкими потребностями, и такой он нам не нужен. То есть он нам нужен, но другой. Нам нужно, чтобы он занимал под процент, чтобы он подсел на халяву. А потом возмутился бы, что его обманули, и вышел бы делать революцию.

Илюша Натюрморт мудро улыбнулся:

— И уверяю вас, что это будет трудно. Почему несколько миллионов американцев, которые нынешний год пострадали от ипотечного кризиса, потеряли свои дома, машины и живут теперь в палатках – все имущество у них забрали банки-кредиторы и, кстати, выбросили на помойку – почему миллионы американцев не вышли делать революцию?

Витя Булд презрительно скривился:

— Потому что амеры даже не бараны, они – мулы. То есть полные ничтожества. Вот и все. Американская нация давно перестала производить вождей. Они даже на президентские выборы выставляют от демократов негра, а от республиканцев – старого козла. Избирайте люди добрые

Илюша миролюбиво подтвердил:

– Ну, вот, и я о том же. Масса – это бесполезная субстанция.

Все пригорюнились.

Но бодрый голос Антона Марсовича вернул всем ускорение:

— Надо опираться на средний класс, имеющий автомобили, а не на эту шушеру, которая играет в домино возле помойки. Кого вы мне описали, уважаемый Натюрморт? Вымирающую прослойку городского населения! А мне нужны люди, чья зарплата более тысячи долларов в месяц. Ну, хотя бы сорок тысяч рублей. Кстати, это люди вроде нашего Леша-программиста, который нас покинул. Иван-дурак. Ключевая фигура русского эпоса. Неудачник, который ждет своего часа. Он неудачник потому, что ничего даже не пытался начать и довести до конца. Он не ставит перед собой целей. Потому что интуитивно знает, что его никуда не пустят и ничего не дадут совершить. Зачем же дергаться? Сейчас ему все до фени. У него нет почти никаких желаний, потому что нет почти никаких возможностей. Но дайте ему точку опоры, и он, я вас уверяю...

– Перестаньте, Антон Марсович, — устало сказал Булд. — Такие, как Алексей, предпочитают ни-ког-да не рисковать. Чтобы не потерять то, что имеют. А значит, плодами любой революции воспользуются другие: или те, у кого вообще ничего нет, – в силу отчаяния, или те, у которых есть все – в силу опыта.

— Неужели вы думаете, что он, молодой, в самом соку, не клюнет на новые возможности? Не рискнет, не зацепится за ту веревку, которую мы ему кинем? Ведь согласился же он на нас работать. Значит, он любит деньги. А кто любит деньги, тот любит жизнь, – заискрился Илюша.

Все время, пока мужчины спорили, Алла Георгиевна задумчиво смотрела вдаль из-под дымчатых очков. Мысленно она переодевала Лешу в дорогой костюм и сажала его в автомобиль. У нее не получалось. Костюм сидел на Леше, как на корове седло. И в дорогой автомобиль он идти не хотел, он спотыкался мимо и совал длинные ноги в жигулевую «шестерку». Алла Георгиевна снова мысленно примерила на Лешу костюм, но уже не темный, а светлый, и светлые туфли. И пересадила в джип, в более пацанскую машину. Опять не получалось. Леша упирался и бормотал что-то вроде «ну, его, я пешком». Тогда Алла Георгиевна мысленно снова раздела Лешу, увлекла его в спальню и повалила на постель. Леша яростно отбивался. Она нащупала его гениталии и проверила их состояние. Оно было мертвое. Леша крепко сжал коленями свое мужское достоинство и, закрыв глаза, представил, что он на допросе у немецких фашистов. «Ах, вот оно что! – догадалась Алла Георгиевна, – он у нас девственник! Тогда ему ничто не поможет, кроме...

— Тема сисек не раскрыта, – тихо пробормотала она.

Антон хохотнул и сказал:

— Леша живет с мамой. Ну, и что? А я – разведен. Четыре раза. И в данный момент у меня тоже нет семьи.

— За вас я не беспокоюсь, – отрезала Алла Георгиевна. – Вы купите себе жену. В крайнем случае, вы купите ее себе в интим-салоне.

— Чегой-то? – обиделся Антон.

— Я просто хотела вам сказать, что если у мужчины отсутствует женщина, у него отсутствуют стимулы к приобретению. Ему не нужна недвижимость, он обойдется. Ему не нужен дорогой автомобиль. И ему вообще ничего не нужно.

— Кроме Игры! – быстро ввернул Антон. – Такие, как Алексей, непрерывно играют в онлайн-игры. Это точный диагноз. Осталось догадаться, какие крючки запихнуть в эту игру.

Алла Георгиевна опять прикрыла глаза и мысленно представила себе квартиру, в которой проживает Алексей, и его маму. Она беспрепятственно проникла в кухню, увидела, как Лешина мама лузгает семечки у окна, собирая шелуху в ладошку. Потом мамкель аккуратно вытирает подоконник, надевает разношенные босоножки, берет ридикюль с надорванной подкладкой и выходит на улицу, направляясь к соседнему Измайловскому парку. Тут она садится на скамейку и вынимает из ридикюля Роман-газету и очки. В этот момент из кустов выходит совершенно голый мужчина и встает перед Лешинной мамой, поигрывая налитыми, как боксерские перчатки, яичками. Лешина мама цепенеет от ужаса, потом роняет Роман-газету и начинает сумкой бить голого гражданина по яйцам. Гражданин со счастливой улыбкой скрывается в кусты, а Лешина мама несется по аллее с криком...

— Стоп! – остановила Алла Георгиевна картину. – Она устала и очень хотела жареной на сале картошки. Совещание ей порядком надоело.

— Что ж, сказал Антон, – тогда вы, Алла Георгиевна, тоже составьте психологический портрет нашего клиента. Попробуйте сформулировать его потребности.

— Да, черт возьми, нет у него никаких потребностей, – раскричалась Алла Георгиевна. – У него потребность быть защищенным, как в материнской утробе. Поэтому ему нравится его малюсенькая квартирка, где он видит все углы, поэтому он не хочет выходить на контакты с новыми людьми. Что правда, то правда: он живет в виртуальном мире. Пока мы угадали, что можно использовать только одну его особенность. Все другие, увы, закрыты для посторонних.

Я вот что последний раз перед окончательным принятием концепции предлагаю: одумайтесь манипулировать с деньгами! У нас мало людей имеют деньги. Давайте сыграем на старом добром страхе. Раньше приемы манипуляции разрабатывались применительно к «западному» страху. Эпидемии чумы, СПИДа, других неизвестных болезней. Терроризм. Ужас населил сердца жителей Запада. Подобные явления не отмечены ни в восточных культурах, не описаны

они и в русских летописях. Давайте запузырим какой-нибудь страх. Эпидемию, что ли, какую-нибудь! Например, эпидемию бесплодия, которое передается через укусы комара.

— Да полно вам! – возразил Антон. – В нашем случае это возможно только, если на нашей стороне играл бы главный санитарный врач Геннадий Онищенко. А он играет на стороне власти. Власть и так постоянно пугает народ. То отравленными огурцами, то аномально жаркой погодой, то гриппом куриным, то свинным... Алла Георгиевна, что это с вами? Будто вы не видите, что это место занято. Народ и так запуган и ни на что не способен.

Но тема страха, безумной страшной пандемии была запущена не зря. И все они это знали. Просто для нее нужно было выбрать момент. В мире, в самых грязных его уголках, постоянно вспыхивали какие-то эпидемии. Но уголки были расположены далеко, и людям, которые туда ездили, например, по служебной надобности или по своей дури, делали прививки. Потому что болезни были давние, известные, типа гепатита, холеры или малярии, или легочной чумы. И лекарства от них были. А вот если бы возникла какая-то неизвестная болезнь, с неизвестным возбудителем и начала бы молниеносно распространяться по миру на самолетах, поездах, через никогда не очищаемые кондиционеры в отелях... это было бы сильно. Начался бы жуткий страх, который бы стал волнами ходить по миру, закрылись бы границы, стали бы умирать в прямом эфире известные люди, даже монархи... под таким соусом можно было бы делать великие дела...

— А давайте поспорим? – оторвавшись от своих мечтаний предложил Булд. – Давайте поспорим на судьбу Иван-дурака. Давайте, когда все будет готово, сделаем вашего Алексея лидером этого переворота. Во всяком случае, настоятельно ему предложим, поставим его на грань жизни и смерти, и посмотрим, способен ли он к решительному поступку.

— Какому поступку? – поинтересовался Антон Марсович.

— Стать диктатором России, – спокойно улыбнулся Булд.

— Вы в своем уме? – спросил Антон Марсович. Он вообще считал Булда завиральщиком.

— Я? Да. Когда мы в Крыму в 1994 году ставили президентом красная Мешкова, разве он был лучше нашего Леша?

— Да, конечно, Мешков был лучше. Он умел орать, – отмахнулся Антон Марсович. – И в политике успел покрутиться. А Алексей... да, он анархист, помесь домашнего животного со сбжавшим с каторги убийцей. Таковы все простые русские люди. Не трогайте их, Булд! Это бесполезно. Короче, ваш цинизм перешел уже все смысловые границы. Ведь у нас намечен прекрасный человек на эту роль. Человек сидит и ждет сигнала. Человек с биографией, прошедший лагерь, испытывавший муки политического террора. Его знает мир как политическую жертву режима. А вы мне кого предлагаете? Никому не известного Лешу-программиста?

— Антон Марсович, мы же демиурги! Мы создаем людей. Господи, да какая разница, кого мы посадим на эту роль! Разницы нет. Что ваш знаменитый сиделец, который вовсе и не так знаменит, как кажется либеральной прессе, что наш Леша, который вообще человек из пробирки. Была бы должность, а диктатора мы сотворим, – сказал Булд. – Дублеров должно быть несколько. Вдруг что-нибудь случится с первым? Антон Марсович! Вы прекрасно должны понимать, что надо иметь не меньше трех-четырех. Сами знаете: один накануне отравится устрицами в ресторане и к утру получит понос. Другого нечаянно пристрелит из ревности жена прямо накануне переворота. Третий элементарно проспит. Ну, а четвертый, так и быть, по глупости и незнанию, доберется до места действия и станет ситуационным лидером. Нам и надо-то, чтобы он продержался три часа. А потом мы что-нибудь придумаем, – сказал Булд.

— А точно: давайте поспорим! Давайте все поспорим скорее, – завелся Илюша Натюр-морт, и глазки его заискрились. – Действительно, мы ведь демиурги! Вот у меня трое детей от трех браков. Двое сыновей уже взрослые. Никаких талантов в детстве не обнаруживали. Ни тот ни другой! Как, впрочем, и я сам. А сейчас старшенький, Ростик – выдающийся художник современности, в Лондоне. А Захарий – известный композитор. Хотя Ростик никогда в детстве

не рисовал. А Захарий даже нот до сих пор не знает. Ну, сейчас может и выучил. Это не обязательно. Есть компьютерные программы. В тусовке оба весьма уважаемые люди. А все сделал папа. То есть я. Я их воссоздал заново, когда увидел, что первоначальный результат расплывчат. Разобрал на атомы с молекулами, и потом сложил заново. Ростик, когда в транс впадает, такие перфомансы создает! Его уже все музеи современного искусства закупили.

Антон с сомнением выслушал эту похвальбу южного папы.

— И чем ваш сыночек вгоняет себя в транс? – спросил Антон.

— Ну, чем-чем... это не имеет значения. Сейчас много технологий.

— А... главное не перестараться, – сказал Антон. – Насчет запасных игроков – это вы правы. Но только зачем серьезно рассчитывать на Лешу – я не знаю.

– Вот, когда мы работали на Украине, – начал опять Илюша, – я помню, у нас ходил опросный лист:

«Шо вы любите кушать? Сало? Борщ?

Есть ли у вас корни на Украине?

Говорите ли вы по-украински?

Шо вы думаете за оранжевую революцию?

Вы бы съели диоксин, чтобы стать президентом Украины?»

Все засмеялись.

Предварительно предмет спора выглядел так: купится ли рядовой баран Леша на открывшуюся ему внезапно возможность стать диктатором России?

— Я его сделаю! Сделаю! – прыгал Илюша. – Хоть он и не мой сын.

У Антона тоже было много детей. И все они были девочки. Но он только отстегивал деньги им на платица, а воспитанием занимались жены.

Сумма нулей равняется нулю

Разумеется, Леша ничего не знал о готовящемся для него испытании. Всю неделю он в обычном для себя неспешном режиме ковырялся в различных сайтах, подыскивая подходящие для первого этапа игры слоганы. Особенно ему понравилась старинная реклама сосок, которую он обнаружил на сайте плакатов: «Лучших сосок не было и нет, готов сосать до старости лет!» Он долго крутил рекламу так и этак, но, все же, не придумал, как ее воткнуть в «Эльдорадо» и выбросил в виртуальную корзину.

Следующее совещание у Антона Марсовича состоялось через неделю. Вся боевая четверка была уже на месте. И Леша ерзал на стуле в углу. На лбу у него красовался огромный лиловый синяк, по краям он стал уже зеленеть. С синяком Леша был похож на единорога.

Увидев Лешу, Витя Булд нахмурил брови: неужели этот человек способен в будний день податься? Нет, скорее всего, он в темноте наткнулся на угол буфета.

— В прошлый раз мы остановились на том, что Булд и Натюрморт подготовят сценарий игры «Эльдорадо». Алла Георгиевна воткнет туда «шпильки». Алексею было дано задание подыскать программистов для создания группы. Нам нужно триумфальное начало. Давайте отчитывайтесь, что сделано?

— Все сделано. Сценарий готов, – сказал Булд и выразительно посмотрел в сторону Илюши Натюрморта.

— Да, – сценарий готов, – вальяжно сказал Илья. – И это будет не только игра в онлайн, это будет серия действий в реале. Все должно переплетаться. Как в жизни.

— Только... – Булд неожиданно ухмыльнулся и закусил конец бороды мелкими зубами, – всего пара слов. Три человека могут захватить мир. Если это три подготовленных человека. Толпа не может ничего.

В мире нет ни одного удавшегося народного восстания. Народ не годится для этих целей. Народ – это племя баранов (Леша вздрогнул), племя блеет и разбегается при звуках выстрелов. Для путча нужны только профессионалы.

— Пос-лу-шайте, бараны тоже нужны, – запел Илюша Натюрморт. – Они пойдут на забой. Реки крови. Это же красиво. Это зрелищно. Это Голливуд. Ты, Булд, просто несостоявшийся номенклатурщик. Вам, номенклатурщикам, лишь бы все тихо было. Иди работать в Администрацию президента – там важен подковерный результат. А мне важен процесс. Я – художник. Короче: обязательно должна быть кровь. Где вы возьмете кровь? Кто вам отдаст свою кровь? Только бараны!

Булд пропустил мимо ушей все замечания Натюрморта. Парочка привыкла уже к тому, что ее мнения на проект кардинально расходятся. Булд продолжил:

— Даже армия показала, что она – не более чем племя баранов. А вы говорите – военные! Армия в ельцинском путче 1993 года проявила равнодушие и апатию. И была в дальнейшем жестоко наказана за неучастие в путче со стороны народа. Через месяц после расстрела Белого дома Ельцин прекратит выплачивать довольствия военнослужащим, урежет их права, буквально разорит армию, а тех, кто "доблестно" расстреливал практически безоружных сограждан, бросит воевать в Чечню. Там они и погибнут.

Впрочем, это только один пример. А я собрал солидную коллекцию «народных восстаний» и все примеры говорят, что массовка – самый слабый элемент конструкции заговора. Вот, смотрите, что пишет известный всем из школьных учебников истории как гонитель Пушкина, граф Бенкендорф о восстании декабристов:

«Толпа людей в страхе направилась навстречу движению Императора. Тогда он крикнул громовым голосом: «Шапки долой!» И вся эта толпа, которая забыла всякое уважение, и еще даже не знала, кто теперь является ее Государем, признала его по хозяйскому голосу. Все люди

обнажили головы, наиболее близко находившиеся стали целовать его ноги и, как по волшебству, слепое повиновение пришло на смену шуму и беспорядку... Площадь опустела...» Вот и все декабристское восстание кончилось.

Граф Бенкендорф на самом деле был умнейший человек. Тонкий психолог.

Или возьмем еще более древнее восстание Пугачева. Это было наиболее серьезное народное восстание, сделавшее власти много неприятностей. Пугачев чуть было не победил и не воссел на престол. Его военные удачи во многом объяснялись тем, что он использовал инородцев, покоренные российскими царями народы. «Пугачевская сволочь», о которой пишет Пушкин, – это были башкиры, уральские казаки из кипчаков, и разная другая нехристь. Но и то: стоило запахнуть поражением Пугачева, как они стали торговаться с властями за голову своего предводителя и, в конце концов, сами связали его и сдали правосудию. Любопытно, что историк XX века Ключевский не посвятил этому восстанию отдельной лекции. У него сказано, что «в 17-ом веке народ часто бунтовал», и все – больше ничего не сказано. Техника подавления народных бунтов даже в 17-ом веке была на высшем уровне. И только Александр Сергеевич Пушкин озаботился анализом пугачевского бунта и написал его историю. Но ему даже в голову не пришло описывать роль народных масс в этом восстании, он называет эти массы «разной сволочью» и никак не иначе.

Я это к тому, что вы хотите сделать движущей силой мероприятия разную сволочь.

— Не движущей силой, а жертвой! – почти взвизгнул Антон Марсович. – Мы хотим обнажить проблему жертвенной роли среднего человека и уничтожить эту проблему, стереть ее.

Натюрморт одобрительно кивал и вдруг открыл рот и сказал:

— А Украина? А «оранжевая революция»? Там великий украинский народ победил. Он показал, что может воевать за демократию и честные выборы.

— Полно вам врать, – лениво предостерег Булд. – Мы с вами вместе работали по этому народу. Это был элитарный путч, в котором массу использовали по назначению. Мы с вами и использовали.

— Вот и договорились, наконец, друзья мои, – удовлетворенно сказал Антон Марсович. – Массу мы используем по назначению.

Территория внутренней Руси

Уложив в огромный рюкзак ноутбук и прихватив также пару книжечек по программированию, диски с программами, полбатона докторской колбасы и батон хлеба, Леша сказал матери, что, пожалуй, съездит на участок, посмотреть что там и как. Мать тут же заскулила, мол, и я с тобой поеду, Лешенька, мне нужно грядки посадить. Леша на мамино присутствие никак не рассчитывал, но быстро сдался, как всегда. А сам подумал, что так даже лучше, чтобы и матери не было в квартире. Если его будут искать, мать могла бы проговориться, мол, Лешка на даче, а так – нет никого, авось забудут и наймут другого лоха.

На позднюю электричку еле успели. Леша, довольный своим бегством, с мамашей, которая дремала, ехал в полупустом вагоне и жевал докторскую колбасу, попутно читая свою любимый журнал «Чудеса». В нем простые люди с улицы рассказывали о своих встречах с пришельцами, путешествиях по центрам неопознанной силы – древним захоронениям, городищам, самопальным археологическим раскопкам. Журнал «Чудеса» был истинно народным чтением, его тиражи росли год от года. И немудрено: почти каждый россиянин большую часть своей жизни ждал встречи с чудесным, а встретив его, потом долго писал об этой встрече письма в разные редакции и даже статьи. Но в редакциях относились к народным заметкам с презрением, и только журнал «Чудеса» прислушивался к народному гласу.

— Мам, расскажи мне о папе, – попросил Леша.

Мать проснулась. И сказала:

— Папка у нас был очень хороший. Работал в военной промышленности. На праздники всегда мне дарил подарки. Однажды на Восьмое марта подарил швабру.

Леша удивился: надо же, швабру на Восьмое марта!

— А мне говорили, что женщинам дарят духи.

Тут удивилась мама:

— Лешенька, духи – это гадость. От них аллергия. Я никогда не душилась. Женщина должна пахнуть чистотой. А швабру он мне подарил не простую, а научную. Моющая поверхность была научно разработанная, она цепляла на себя всю грязь. Папа любил все научно обоснованное.

Леша знал, что в 70-х годах в Советском Союзе наука заменила религию. Его родителей эта тенденция не миновала. Помнил Леша и научную швабру. Ничего особенного, обыкновенная палка с тряпкой на конце.

Так, незаметно, и доехали до конечной станции. Здесь начиналась территория Руси, таинственного места, где перепутались пространство и время. Ожидать здесь можно было любого, самого невероятного разворота событий.

Из электрички вышли и сразу попали в особый мир. Остро пахла свежескошенная трава. На все лады пели соловьи. Благоухали сирень. От этого благолепия у Алексея закружилась голова.

Леша любил участок. И любил участковых людей. Несмотря на полную нелогичность всех их действий, они ему были понятны на уровне инстинкта, как пчеле, которая всегда найдет дорогу к своему улью.

Дальше пошли пешком, светя себе фонариком, чтобы не споткнуться о корягу. До участка дошли уже в кромешной тьме, под звездным небом, и, не мешкая, легли спать на сыроватые кровати, которые остались застеленными еще с прошлого дачного сезона.

Утро встретило неожиданными гостями. Какие-то шумные парни в кожаных куртках с десятками молний орали прямо под окнами и стреляли из ружья. Вместо соседей, которые разжирили в период, когда Лешина мама тетя Валя из инженера НИИ превратилась в уборщицу, в

соседнем доме появились эти бодрые торгаши. Соседи сдали свой дом в аренду бизнесменам. А сами они построили себе особняк в более престижной местности. Бизнесмены устроили в доме склад.

В то утро они принимали у себя целую ораву друзей. Гости приехали на новой машине без номеров и, весело гогоча, разожгли большой костер. Они приволокли на веревке барана и привязали его к дереву. Баран жалобно блеял, ожидая своей участи. Вокруг с ножами в зубах бегали парни, сопровождая действие гортанными криками и воинственными танцами.

– Ублюдки, – посмотрев из окна, постановила тетя Валя.

Леша в бинокль наблюдал, как пришельцы вспороли барану горло, а потом сдирали с животного шкуру, перемазавшись в его крови.

Барана жарили до сумерек.

А в сумерках гости, уж вдоволь напившись водки, стали стрелять по стае ворон, которая собралась поужинать остатками пиршества. Подстреленные птицы так и падали вниз, как камни с неба.

Тетя Валя выбежала на улицу и позвала: «Гули-гули-гули! Улетайте!»

Вороны засуетились и с громким карканьем умелись, оставляя на земле своих подстреленных родственников.

Маманя Валя шипела на гостей: «ублюдки!»

Гости, тем временем, распались все круче, и тогда стрельба переместилась ближе к земле. Узрев беспризорного пса Шурика, который уже много лет кормился около дачников, парни выстрелили в него. Шурик упал и долго дергался, никак не мог умереть. Они смотрели на его мучения и смеялись.

И тут маманя Валя вбежала к себе в домик, как полоумная, и, выхватив огромную кочергу, понеслась прямо к новой машине гостей. Двое из них сидели в машине и стреляли по живым мишеням прямо из раскрытого окна. Леша крикнул матери, чтоб не вмешивалась. И попросил ребят, чтобы те отъехали от дома. Он еле уговорил мать оставить кочергу в покое. Вечером Леша долго ругался с матерью, обзывая ее дурой.

— Ты что затеяла? На кладбище захотела? Они тебя, как этого барана освежают!

Но она угрюмо молчала.

Прошло несколько дней, и у колонки, откуда брали воду, повторилась та же сцена. Парни опять нагрянули в приглянувшееся им место. Из припущенного окна машины, вставшей на обочине дороги, появился ствол, и чья-то рука направила его в живую мишень. Голубь в небе дёрнулся и рухнул навзничь. Дуло нацелилось на собаку, пившую из лужи воду. Мать, как и в прошлый раз, схватила от печки громадную кочергу и помчалась во двор. «Господи, помоги и защити!» – кричала она по пути, выбегая на улицу. Выбегав из ворот, маманя Валя подскочила к машине и ударила изо всех сил по переднему стеклу. А потом стала долбить кочергой по фарам. Зазвенели стёкла. Ребята сидели в машине и равнодушно смотрели, словно на глупую квохчущую курицу. И вдруг до них дошло, что разбивают вдребезги их машину! С диким криком, хлопая дверцами, они выскочили наружу:

– Ты чё, с ума сошла? Старая блядь!!! – закричали они, но было уже поздно – подфарники у машины пожухли, как яйца всмятку.

Их было четверо. Здоровые крепкие лбы разом окружили маманю Валу, держа в руках пневматические ружья. Одурев от злобы, они что-то кричали, махали руками, топтали ногами и брызгали слюной – в любую минуту одно из ружей могло пальнуть в нее. Маманя стояла среди них с большой кочергой в руке, готовая драться до последнего. На улицу выбежал перепуганный Алексей и униженно извиняясь, увёл мамашу в дом.

Леше предъявили счёт – компенсацию за повреждения. Машина новая, её только что купили, на ней даже ещё номеров не было. Сошлись на том, что за разбитые подфарники Леша выложит громадную сумму. Хорошо, что у него были с собой деньги.

– Это все мои расчетные деньги! – кричал он вечером. – А ты, чокнутая, ты рисковала своей жизнью непонятно за что. За каких-то голубей! Эти бандиты могли выстрелить и попасть тебе в глаз или в голову, и ты на всю жизнь – калека!

Но оказалось, что расплаты деньгами недостаточно – это был ещё не конец потерь. Вечером арендатор, подкатив на машине, привёз с собой остальную братву – им требовалось моральное удовлетворение. Пострадавшие хотели получить дополнительные извинения. Маманю Валю буквально вытряхнули из домика и заставили объясняться. Стоя, как на бойцовском ринге, грудь на грудь, она понимала, что силы неравные:

– Чё мы такого сделали? Подумаешь, грохнули птичку! – наезжали они гурьбой на Лешину мамашу, махая кулаками перед носом.

– Зачем вы живёте в мире, если не цените жизнь? – защищалась она от братвы. – Убирайтесь туда, где пахнет трупами! Не нравится живое – идите жить на кладбище! – орала она.

Тогда, растопырив руки и выкинув распальцовку, на нее наехал сам арендатор.

– Не хочешь извиняться? Тогда я тебе устрою! – злобно глядя, пообещал он.

– Только тронь, тогда уже я тебе устрою – от твоего дома вместе с дурацким тряпьем ничего не останется! – махала Валя маленькими кулачками перед его волосатым лицом. Дом соседа под самую крышу был забит товаром, который стоил немалых денег.

Ночь прошла беспокойно. На улице что-то звенело, ушливо ухали филины, собаки устроили перебранку и обгавкивали друг друга до рассвета... Леша уснул лишь под утро.

А когда проснулись, выяснилось, что обокрали Лешин сарай. Вскрыли замок и украли мопед.

Все дальнейшее трудно объяснить.

В следующую ночь в доме соседа случился пожар. Он был такой сильный, что вокруг было светло, как днем. Леша проснулся от криков на улице. Он выскочил из дома в трусах и не знал, за что хвататься, чтобы потушить огонь. Пожар вот-вот мог перекинуться и на их сарай, и на деревянный домишко.

Когда приехали пожарные, на месте соседского дома осталось только пепелище.

Вместе с домом сгорело всё барахло соседа, весь привозной товар, который в нем хранили. Прочный, большой дом, выложенный из старинного камня и больших прочных брёвен, выгорел дотла и не подлежал восстановлению. После пожара исчезли, как тараканы, все обитатели соседнего дома, будто их никогда не было.

Обгорев на пожаре, Леша тупо молчал, обматывая руку бинтом.

Мамаша сидела за столом и рассказывала себе под нос подробности, пугая нездоровой убежденностью:

— Это Небеса наказали за расстрелянных птиц и загубленных животных, преподав урок возмездия.

Леша сначала не прислушивался. Мать давно уже стала заговариваться. Потом, когда она повторила одну и ту же фразу третий раз, он услышал:

— Это Небеса. Спала я. И снится мне сон, что я проснулась. А, может быть, я и правда, проснулась. Из-под ночных облаков, проблёскивая жёлтыми боками, лениво всплыла яркая луна, – говорила мать. – Она вдруг раздвоилась – в густой темноте, вынырнув из неё, появился большой серебристый корабль. Беззвучно передвигаясь в тишине, он проплыл в центр деревни и завис над нашим домом. Из днища корабля вырвался сноп яркого света. Распавшись на полотнища, свет окутал дом, словно крыльями. По яркому лучу из НЛЮ, пробившему крышу дома, стали поднимать спящую фигурку человека. Только в последние секунды я поняла, что вверх поднимают моё сонное тело. Чья-то большая ладонь мягко подхватила меня на лету, а затем долго и пристально кто-то рассматривал, словно размышляя, что же со мной делать.

Из серебристого НЛО, который завис над домом, опустили светящийся шлейф, окружив им наш старый дом, словно защищая его от внешней среды. Затем высветили дом соседа и... закрыли его большой чёрной решёткой. «С домом что-то случится?» – успела подумать я. «Будет так!» – сказал кто-то, после чего мою спящую фигурку по яркому лучу опустили обратно вниз, в открытую крышу дома, и НЛО быстро взмыл вверх.

Леша сплюнул.

– Ну, что ты, Лешенька, не веришь мне? Все же знают такие случаи, когда НЛО прилетают, чтобы помочь гражданам. Ведь нам никто не поможет, кроме них, – сказала мать и сняла, глядя Леше в глаза.

Леша не спешил откликнуться. Но слова матери доходили до его сознания. Он и сам любил эту тему. Тем более что место, где получили они с матерью участок семь соток, было со всех точек зрения необычное. Непростое место. Именно отсюда получал журнал «Чудеса» почти каждый день тайные репортажи про очередной визит НЛО. Местные жители видели визиты инопланетян часто, многие были знакомы с инопланетянами лично. Чего ж тут спорить с матерью? Леша и не спорил. Просто Леше было обидно, что инопланетяне выбирали для контакта кого угодно, только не его. Вот, опять выбрали существо второстепенное – его мамашу. А Алексея они обходили уже который год. Интересно, почему?

После пожара тетя Валя целый день спала, не шевелясь, будто мертвая. Она даже не дышала. Леша ходил по соседскому пепелищу, поддавая ногой разбросанный скарб. Может ведь так оказаться, что уцелело что-нибудь ценное. И он находил то проволоку, то лопату.

Так он и наткнулся на лейку, которую искал уже несколько дней перед тем. Это была их с матерью лейка, из которой поливали огород. «Маманя из лейки тушила пожар», – подумал Леша.

Однако из лейки ощутимо несло керосином.

Леша поднял лейку с земли и хмыкнул. Ситуация вырисовывалась несколько другим боком. Совсем даже наоборот. Получалось, что маманя не тушила пожар из лейки. Она его поливала керосином. Лешу торкнуло страхом прямо в макушку. Там, в середине головы, где во младенчестве был расположен родничок, а потом он, как маленькое болотце, по краям зарос непослушными стоячими волосами, родился этот страх и быстро распространился по всему телу.

Обернув лейку газетами, он положил ее в рюкзак и быстро через лес пошел на станцию. В рюкзак Леша сунул еще и ножовку по металлу. На станции Леша сел в электричку, которая шла в сторону Москвы, и, проехав пять остановок, вышел. Это был небольшой городок. Леша пошел по первой попавшейся улице, дошел до жилого массива и нашел раскидистую помойку, расположенную в тени деревьев. Тут он бережно вынул из пакета лейку, отпил от нее носик и ручку, и разбросал части лейки в разные помойные бачки.

Потом вымыл руки у колонки и вернулся домой. Была уже ночь.

Матери он ничего не сказал. Чего с дурой говорить?

Через неделю на дачу заглянул участковый, произвел допрос, составил протокол. Расспрашивал, кто приезжал к соседу, какой костер жгли гости, из чего стреляли? – все расспросил. Все записал. Леша на все вопросы отвечал толково. Говорил, что все гости соседей были выпивши, что костер был высок, даже береза обгорела. Показал участковому обгоревшую на пожаре руку.

И тут маманя Валя, которая сидела тихо в углу под образами, оживившись, начала рассказывать про НЛО.

— Сплю я, значит, и во сне чувствую, как чья-то мягкая ладонь будто поднимает меня над землей. А с высоты вижу я зеленых человечков, которые все вылазят и вылазят из аппарата.

А я уже лечу над землей. А из аппарата яркий луч, будто лазерный, нацелился на соседский дом, и он вдруг вспыхнул. И тут я потеряла сознание.

Участковый выслушал, покивал и сказал

— НЛО в здешних местах водятся, и это не первый случай, когда люди накануне большого пожара видят НЛО.

Леша посмотрел на участкового. Тот не шутил.

— А у меня мотоцикл НЛО-шники сперли из сарая.

— Ну, хорошо хоть отпустили вас зеленые чилавечки, – вздохнул участковый. – А могли бы и утащить с собой. Так и пропали бы. Тут случается, что пропадают люди. Вышел тут один гражданин в тапочках за калитку своего участка. И не вернулся. Жена хватилась его через пару часов. Где? Нету. И МЧС не нашло.

Вскоре после событий, связанных с пожаром, в лесу поспела земляника. Крупная, величиной с крыжовник. С утра уходили с матерью по ягоду, прихватив небольшие пластмассовые ведра. Вечером мать землянику перетирала с сахаром и закатывала в литровые банки.

Пошла черника.

Потом голубика.

Потом пошли дожди. Два раза Лешка ездил за банками в тот самый городок, где бросил на помойке лейку.

В общем, месяц пролетел, не заметили как.

Жаркий июль требовал слияния с природой. Лето уже ломилось в окна и двери. И Лешка забил болт на Антона и свору вурдалаков, к которым он чуть было не угодил в сети.

Главное, Лешка забросил подальше свой мобильный телефон, который он отключил сразу же, как они с матерью приехали на участок. И даже его не доставал из рюкзака. Также Алексей за целый месяц не прикасался к компьютеру, потому что боялся: как только он войдет в «аську», его сразу же засечет Антон, и тогда все пойдет прахом.

Нажористые летние дожди обостряли все запахи природы. Каждое дерево, каждый куст норовили отдать атмосфере лучшее, что было накоплено к середине лета. Леша очумел от этих запахов. До работы ли тут! Тело томилось в предчувствии любви. Хотя Леха об этом не знал. Он просто чувствовал томление и по вечерам заинтересованно пялился на звезды. Быть может, случилась бы поблизости хорошенькая соседка, все бы и сладилось в его жизни. Но как назло никакой молодой соседки не случилось, и Лешенька начал подумывать о порносайтах и, вздохнув, начал разматывать провода компьютера.

На интерфейсе компьютера у Лешки с тех пор, как он уволился из офиса, была одна заставка: портрет офис-менеджера Анечки в белых кудряшках. Анечка была точь в точь ангел. Леша сделал Анечке крылышки, и она летала по экрану, улыбаясь Лехе, как улыбается недосягаемая мечта. Глядя на Анечку, Леша млел. Надо сказать, что и мать заметила новую заставку Лешки и удивилась: ей казалось, что Алексей девушками не интересовался.

Воткнув в розетку мобильник, Алексей взял его двумя пальцами, как змею, и лишь только аппарат ожил, в нем сразу засигналили SMS-ки. Антон злобно шипел: «Ты мне, сука, ответишь за фсе». Через час пришла еще одна SMS-ка: «Лучше сдайся добровольно!» «Так я тебе и сдался!» – прошептал Леша.

Следующее утро выдалось медовое. Аромат жасмина и шиповника смешивался с отцветающей липой. В лесу на пнях созрели первые опята. Леша, надев панамку в горошек, вышел с ведром из дома и тут увидел, как по немощеной улице крадется белый «мерседес».

– Куда ж ты, сука крадешься? – мысленно произнес Леша и метнулся обратно на участок. Тут он закружил вокруг сарая и юркнул туда, спрятавшись за старым шкафом.

Мерседес затормозил около колонки, где трясли задами бабы с ведрами, и Антон вылез наружу.

— Девушка, где здесь живут Гавриловы? – громко спросил Антон бабушку Трофимовну.

— Да вон их хибара, – показала бабушка пальцем.

— Та, что сгорела? – удивился Антон.

— Нет, та што рядом.

— А это пожарище свежее, чье?

— Ох, эта, НЛО прилетало, арендаторов пожгло.

— Какое НЛО? – удивился чужак.

— Да какое-какое... обныкновенное чудо. Тут они все время летают, за порядком следят. Как где чего непорядок, так прилетают и наводят.

— Интересные у вас места, – сказал Антон. – Самобытные.

Антон попил водички из колонки и, вальяжно разместившись за рулем, проехал еще пять метров и припарковался прямо у соседского пепелища.

Потом открыл калитку и пошел по узкой дорожке, вымощенной битым кирпичом, к дому.

Тут он вежливо постучал в стекло терраски, спросив для виду: «Есть кто живой?» И нагло вошел.

Маманя сидела в углу под образами и чистила картошку. Увидев гостя, она ойкнула.

— Здравсьте, тетя Валя, а где Лешка? Вы меня помните? Я жил в вашем доме и учился с Лешей в одном классе. Маму мою помните, Фиру Андреевну?

Лешина мамаша обмякла.

— А Лешка-то за опятами в лес пошел. К вечеру вернется.

— Можно я его тут подожду? Я могу вам грядочки полить.

— В таком-то костюме? Дорогие больно грядочки будут. Лучше вам не ждать его. Я передам, что вы приезжали.

— У вас тут так хорошо, птички поют. А в городе душно. Говорят, у вас в данной местности НЛО летает?

— Уже наболтали вам. Это все темнота народная, – сказала тетя Валя. – Обман зрения. Люди верят во всякую ерунду. Но вы-то, наверное, и в школе хорошо учились, и институт закончили, вам-то чего бабьи глупости повторять.

— Не, тетя Валь, я институтов не кончал. Я несколько раз начинал. А вот кончать не приходилось.

Антон уселся, демонстрируя, что никуда уезжать не собирается. Косился на Лешин компьютер.

Тетю Валью гость раздражал. Приперся. Уселся.

— Вы можете посидеть в огороде. Я вам табуретку вынесу, – сказала она и протерла фартуком табурет.

Антон взял табурет и пошел с ним в огород. Осмотрев местность, он прислонил табурет в аккурат к стене сарая, в котором засел Алексей.

«Вот, черт, принесло его! Неужели до ночи сидеть будет? – вздохнул Алексей. – Хоть бы мать догадалась позвать его в дом, а я бы тем временем на электричку, и поминай как звали».

Но мать, видно, Лешины мысли читать разучилась. Она забыла про гостя. Почистила картошку и принялась закручивать банки с овощной смесью.

Леша устал стоять за шкафом и стал осторожно вылезать, чтобы подпереть изнутри дверь сарая и принять сидячее положение. Он уже благополучно отставил в сторону черенковую лопату, как вдруг ему на голову свалилось оцинкованное ведро и затем с грохотом упало об землю. «Черт!» – выругался Лешка.

Антон невозмутимо приоткрыл дверь сарая и увидел Лешу.

— Вот ты где, скотина! Я так и знал! Быстро собирайся, и поехали в Москву. Сценарий уже готов. Ждем только тебя. Или отдавай деньги назад. Таких, как ты, спецов, я еще с десятков найду. Сматывай провода и мигом за мной.

Почесывая голову, Леша нехотя вышел за Антоном.

В Москву ехали молча.

Когда подъехали к Лешину дому, Антон сказал:

— Ты помнишь, какую ты подписал бумагу? С нами не шути. Такие деньги за просто так не платят.

— Я ничего не подписывал, – проговорился Алексей.

— Как это не подписывал? – возмутился Антон. – Ты думаешь, тебе позволят безответственность? Нет, личная ответственность – прежде всего. Жизнью ответишь. Значит, подпишешь.

На Алексея эти слова подействовали сугубо отрицательно. В том смысле, что он ни на секунду не принял их всерьез. Он сроду ни за что не отвечал и не собирался. Выслушав угрозы Антона, он еще раз подумал, что Антон – идиот.

Сценарий Игры

Однако Леха смирился, когда навязчивый Антон взял его под домашний арест. Антон даже остался ночевать в квартире у Лешки. Пока хватало терпения, Антон изображал из себя доброго тюремщика. Когда вошли в квартиру, он юркнул на кухню, раскрыл свой портфель и выложил на стол бутылки с будвайзером, банки с красной икрой, балычок, свежий хлебушек. И, подмигнув Лешке, сказал: «Налетай!»

Раскупорили по бутылочке, остальные впихнули в морозилку. Леха по-домашнему остался в майке. Был он тощий и белый, несмотря на то, что в течение месяца ошпаривался на солнце. На плече Лехи, совершенно гладком, как у девушки, обнаружилась татуировка.

— Что это у тебя на плече? – спросил Антон и указал ногтем мизинца на художественно исполненную голову барана с ветвистыми рогами и умным человеческим лицом.

— Это знак принадлежности к клану баранов. Ты Тюльку знал, нашего вождя баранов? – нехотя оторвался от бутылки будвайзера Леша.

— Нет, не знал я Тюльку.

— А Великого Ктулху знаешь?

— Что еще за скотина?

— Это великий Левиафан, который выедает моск.

— Ляксеи, я вижу, что ты – образованный человек, и детскую литературу читал. Но сейчас мы будем забивать косяки для взрослых, а не для недоразвитых. Ты включиться во взрослую жизнь не пробовал?

Но Леша, вскрыв вторую бутылочку будвайзера, нес свое:

— Вы суетесь со своими вурдалаками в виртуальный мир, а сами не знаете элементарной военной истории этого мира. Вам, наверное, кажется, что вы пришли туда первыми, и до вас там ничего не было? А у нас прошли уже три войны. В первой войне убили первого вождя баранов – его звали Зажим. Вместо него избрали Леню Ухо. Но и он погиб. И тогда из тьмы народной выдвинулся Тюлька. С ним мы завоевали большое пространство.

— Да плевать мы хотели на тех, кто был до нас, – огрызнулся Антон. – Плевать на этих ваших баранов, на Ухо, на Тюльку и Великого Ктулху! Может, мне еще с мечом наперевес побегать по парку, да рожу раскрасить сажей?

— Да где тебе... – уже окосев от пива сказал Леха и, свесив голову на грудь, захрапел.

— Проснись, чудло, – потряс Алексея за плечо школьный товарищ. – Я хочу тебе сказать следующее: пока ты, идиотничал и бегал по улицам с деревянным мечом, я делал уже неплохие дела. И зарабатывал неплохие деньги. Мне было всего 25 лет, когда я развел свердловского губернатора на то, чтобы присоединить к Свердловской области территорию Ханты–Мансийского округа, где расположены 90% всех мировых запасов газа. Народность манси знаешь? Это тебе не Ктулху, это живой народ в количестве 350 человек. Чтобы сохранить этот уникальный народ, его уникальную культуру и несуществующую письменность, ему надо было дать территорию. И мы ему давали такую территорию – Ханты–мансийский округ, офигительно богатое место. Сначала мы развели на бабки Свердловского губернатора, а потом развели федеральный бюджет на проведение всемирного конгресса манси. На конгресс приехало всего 10 человек. Но бабла мы получили под это мероприятие 350 миллионов рублей, слышишь? И все это бабло мы с товарищем положили себе в карманы. Жаль, что не удалось увести у тюменцев Ханты–мансийский округ. Ты ощущаешь разницу между моим размахом деяний и своим?

Но Леша спал.

... Утро выдалось погожим. Все цвело и искрилось. Сильно хотелось на пляж. Действительно, лето не лучшее время для работы.

Пока Алексей спал, Антон провел ревизию полок и шкафов в Лешиной квартире и нашел забавный реквизит: несколько широких мечей мягкого металла, маску Ктулху, арбалеты и прочие опознавательные знаки игр, в которые играл тридцатилетний недоросль Леша. Напялив на себя маску Ктулху и вывернув наизнанку старый тулуп, Антон склонился над спящим программистом и прокричал ему прямо в ухо:

— Я выел твой моск, морская раковина!

Леша открыл глаза и в ужасе снова их закрыл. Тогда Антон сдернул с него одеяло и увидел лужу на простыне: Леша от страха описался.

— Черт тебя подери! – сказал Антон. – Кончил пить – начал ссаться!

Антон достал из холодильника очередную бутылку пива, намазал себе бутерброд с икрой и включил телек.

Вскоре всклокоченный Алексей вышел из ванной. Он присел за стол и съел бутерброд под пристальным оком своего тюремщика.

Тем временем Антон кивнул Леше на доску, которая служила компьютерным столом, на флешку и сказал:

— Воткни! Это для тебя нюхло и бухло.

— Я не нюхаю, – проворчал Леша.

Леша воткнул флешку и увидел самолетики. Много самолетиков. Это были архивные съемки авиационных сталинских парадов. Самолеты выводили в воздухе имена вождей партии, прежде всего имя СТАЛИН. Рядом со Сталиным на трибуне сидел Никита Хрущев в моднющих темных очках совершенно круглой формы. На Никите был льняной костюм и белые туфли. Интеллигентно выглядел Берия, тоже в очках-пенсне. Все были со своими женами.

А внизу, фигея от счастья, на газетках сидел народ, который приехал в Тушино на трамвае, на электричке и просто приплыл по реке на речном трамвайчике – за 20 копеек.

Самолеты делали в воздухе невозможное – они показывали настоящий контактный воздушный бой. Один самолет подбил другой, и подбитый камнем пошел в землю. По всему экрану компьютера размазался ядовитый черный дым. Сталин в белом льняном френче и Хрущев в круглых темных очках одобритительно смотрели, как самолет камнем идет к земле. Раздался взрыв. Тонны земли взметнулись в воздух. На трибунах даже никто не привстал, чтобы посмотреть, куда девался летчик. Только Сталин благожелательно навел бинокль на потемневшее небо.

— А как же летчик? – спросил Леша. – Он же погиб?

— Ну и что? – резонно заметил Антон. – Зато смотри, как очумела китайская делегация!

Действительно на трибуне недалеко от Сталина расселось несчитанное множество китайцев. На всех на них были одинаковые костюмы. Они не отрывали глаз от сталинского неба. Видно было, что они очумели.

Потом воздушные парады кончились, и Леша увидел лучшие города мира: испанскую Валенсию с ее сногшибательной архитектурой 21 века, Токио, центр Стокгольма...

— Ну, а вот, текст, – сказал Антошка. – Это самый позитивный проект, который могли придумать люди, которые заботятся о своем народе.

Леша брезгливо отверг листочки со сценарием и попросил электронную версию. Антон вынул из карманчика флешку, с текстом, и дал Леше.

Отхлебнув пивка, Леша начал читать то, что написал Витя Булд.

«Эльдорадо – страна неукротимых возможностей для народа.

Эльдорадо – чистая и благоухающая страна. Она возникла в 21-ом веке на территории бывшей столицы РФ, когда появились технологии борьбы с бедностью, с дымом лесных пожаров, тлеющих мусорных свалок, отравивших москвичам лето 2010 года.

Там, где были джунгли капиталистического города, где протекала вонючая речка Неглинка, в которую зимой валили грязный снег и собачье дерьмо, где дымили трубы старых заводов, где кишели в антисанитарных условиях азиаты-гастарбайтеры и шла бойкая торговля наркотиками, где из-за перенаселенности и дороговизны невозможно было снять квартиру даже на окраине – на месте всего этого кошмара возникла прекрасная страна Эльдорадо...»

Леша представил себе свой родной город, живущих в мусоропроводном отсеке таджиков, клокочущий рынок на Шелковской, автобусный вокзал, в котором никто не знал, где стоит какой автобус, и все тупо носились от остановки к остановке, спрашивая: «Тетенька, во скока отходит транспорт на Верею?» Представил он теток с семечками, мужиков, собирающих бутылки около плевательниц, и подумал: «Все это исчезнет? Да никогда!»

И вслух он произнес сакраментальное: «не верю!»

— Читай! Это сценарий игры, а не план Путина, – отмахнулся Антон. – Где не веришь, сделай пометку.

Леша взял виртуальный красный фломастер и жирно обвел весь первый абзац. Для крепости он написал: «не верю!»

— Тю, дурак, – сказал Антон.

«Чудо произошло в считанные месяцы. И случилось это очень просто. Нашелся Герой. И рядом с Героем оказалась Могучая кучка. Это были приличные люди, которые любили народ и потому открыли «Добрый банк», и этот банк стал давать дешевые кредиты людям для покупки жилья, для старта собственного бизнеса. И недоверчивый и пассивный народец наш, который привык, что любую его инициативу зажимают, привык, что цветочки, которые он, этот народец, сажает, – мнут, а машинку, которую он ставит под окно, – царапают, – этот народец потянулся, как к лучу света, в этот «Добрый банк». И там его приняли, рассказали, как начать свой бизнес, как сдать денежки в общую копилку, а копилка эта начнет работать. Как переехать за город, ближе к природе, и там возвращать животных на мясо и молоко, как торговать цветочками, как под них организовать тепличку.

— Это больной на всю голову писал? – спросил Леша.

Антон засмеялся.

— Леша, всего сто лет назад по Москве конка ходила, а про метро никто не слышал. Кто-то же сделал все это. – Леша покрутил рукой в воздухе. – Всю эту красоту. Люди сделали.

«Добрый банк» – добрый. Он выдает кредиты под небольшие, совсем не грабительские проценты и под залог даже убогой недвижимости – всяких пятиэтажек, паршивеньких квартиренок – работать банк готов себе в убыток. Потому что это социальный проект...»

— Ну, деньги наш народ уже кому только не сдавал. И больше не поверит никому, – сказал Леша.

— Да полно, Леша! Как же народу без веры-то жить? Народ без веры не может. Поэтому кому-нибудь он обязательно поверит. Ты только в одном прав: поверить могут не нам, а кому-то еще. Например, Славе Сусликову. Но пока Слава проснется, мы уже будем далеко.

Заметив, что Леша отвлекся и от беседы, и от чтения, и уставился на Антона налитым пивом глазом, Антон спросил:

— Ты чего бычишь?

— Ничего. Туфта очередная. Прочешь и выкинуть в помойку.

— Никакая не туфта. Технология борьбы с бедностью. Развитие малого бизнеса для тех, кто способен действовать сам. И «копилка» для тех, кто имеет недвижимость и готов ее заложить, а деньги вложить в качестве собственной инвестиции в крупный бизнес.

— Ты меня за идиота держишь? – спросил Леша. – И вообще, ты всех держишь за идиотов?

— Не нравится – не ешь, – сказал Антон авторитетно. – Делай первую часть Игры и не капризничай. Нарисовать надо стабильную действительность, персонажей в костюмчиках

фабрики «Большевичка», которые чередой тянутся в наш банк. Представляешь картинку? Вот, улица, и народ бежит прямо толпой к «Доброму банку», не считаясь с потоком машин. Дядьки в костюмчиках, тетки с сумками, девушки на каблучках. А банк надо нарисовать, как на детской картинке: домик с трубой, и на дому написано, к примеру: «Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надежном!». Сечешь?

— Да. Да-да, – почему-то обрадовался Леша. – Ты иди, не мешайся тут. Сходи в магазин за хлебушком.

Но Антон на уловку не поддался, он знал: стоит уйти из дома, обратно уже не войти. Как же он ненавидел это убогое племя программистов!

Кадры решают все

Надо сказать, что этот тип людей, которые назывались программистами, Антон Марсович не любил с подросткового возраста. Еще с той поры, как его, и соседского мальчика Лешу, родители с какого-то перепугу отдали в математический класс школы-новостройки. В классе, куда согнали очкариков со всей округи, условно нормальных оказалось только двое: он и Леша. Остальные ученики даже зимой ходили в школу в сандалиях на босу ногу и были совершенно негодны к проживанию в условиях спального района, где много хулиганов. Чтобы лишней раз не подвергать будущую интеллектуальную элиту опасности хождения по родному району, для них в школе создали интернатский класс, в котором они оставались ночевать. Домой будущие программисты уходили только на выходные, да и то, если на субботу не назначена была олимпиада или экскурсия. Очки на их горбатых носах были с такими толстыми линзами, что глаза под ними казались добрыми, как у андерсеновских волшебных собак. Никто из соучеников не мог подтянуться на турнике больше одного раза, а на брусьях они сразу ломали конечности. Поэтому физкультура у них была особая: они перекидывали друг другу мячик, даже не стараясь его поймать. Мячиков было несколько, и их собирал дежурный, снова возвращая в игру. Координация движений у этих ребят была нарушена, и мячик сам проскакивал мимо их растопыренных рук, а уж они-то придумали оправдание тому странному явлению, что мячик ни черта не шел в руки ни к кому. Если кто-то вдруг попадал в корзину – разговоров было на неделю. Но на всероссийских олимпиадах по математике они всегда занимали второе место. Первое место – этот феномен никак не поддается объяснению – всегда занимал какой-нибудь «ломоносов» в раздолбанных кедах, которого на своем горбу привозил учитель математики из отдаленной деревенской школы Алтайского края или Томской области. Родина аккуратно воспроизводила гениев из глубинки.

Проучившись два года среди этих одаренных детей, Антон дал себе слово – никогда не заниматься программированием, а стать человеком, который указывает перстом этим чудищам, что делать и в какие сроки. Телефон в своей записной книжке он оставил только Лешин, и то лишь потому, что с Лешей они однажды чуть не провернули бизнес-проект. Антон хотел украсть из Лешино подъезда ничейную металлическую бочку. Деловой подход, который Леша поначалу обнаружил во время операции «бочка», вызвал на короткое время в Антоне уважение к коллеге. Впрочем, оно быстро улетучилось. Уважение вообще не входило в арсенал чувств, которые Антон испытывал к представителям человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.